

(Опытъ выясненія основныхъ идей и чертъ русской мысли.)

II. Философія усилія личности. *)

(Ученіе П. Е. Астафьева.)

I.

Характеръ русской философской мысли. Астафьевъ — русскій мыслитель. Критика нѣмецкой философіи. Личность — какъ сущность. Знаніе—бытіе. Построеніе личностью внѣшняго ей міра. Разборъ возраженій. Воля—основа личности. Еще разборъ возраженій. Гдѣ же начало всего? Критическая монадологія. Союзы личностей. Смерть — перестроеніе.

Русская философская мысль имѣетъ особыя черты, рѣзко отличающія ее отъ философіи Запада. Это, какъ сразу видно, съ перваго взгляда, философія живого, полного силъ, не отчаявшагося еще въ пареніяхъ духа и въ жизненныхъ задачахъ своихъ народа. Мысль философовъ смѣло устремляется на рѣшеніе величайшихъ и важнѣйшихъ вопросовъ. Едва ли можно указать гдѣ-либо мыслителей, столь отважно берущихся за рѣшеніе вѣковѣчныхъ вопросовъ и дѣйствительно дающихъ рядъ интересныхъ, живыхъ, возвышенныхъ ученій по этимъ вопросамъ. Не говоря уже о глубокихъ и возвышенныхъ ученіяхъ нашихъ славянофиловъ, укажемъ хотя бы на «философію общаго дѣла» Николая Федоровича Федорова, или на излагаемую ниже, *какъ бы* противоположную первой, «философію личнаго усилія» Петра Евгеньевича Астафьева. Широта, размахъ русской мысли объединяетъ въ одно цѣлое попытки столь различныя; онѣ объединяются именно отрѣшеніемъ отъ всего специально-нормативнаго, отъ рационализма. Въ нихъ всегда есть признаніе превыше всего *цѣнностей*, независимо отъ возможности разсудочно установить признаніе этихъ цѣнностей для всѣхъ. Въ русской философіи—хорошо ли это или плохо—элементъ *внѣ-міровой*. Маякомъ, мѣриломъ всего служатъ завѣты христіанства. И русскіе мыслители, не сошедшіе съ пути, указываемаго Христомъ, оставшіеся вѣрными завѣтамъ родины, ея духовнымъ цѣностямъ, достигаютъ въ своихъ концепціяхъ удивительной возвышенности духа, выра-

*) См. февраль, стр. 57.

жаютъ глубочайшую чувствительность сердца русскаго, его сочувственный теплый взглядъ на страдающія окружающаго жизни; исцѣлить эти язвы наши мыслители и призываютъ свою мысль. Это— важная черта русской философской мысли, а именно— ея практицизмъ. ея дѣловое направленіе. Русскій философъ не любитъ оставаться вѣчнымъ теоретикомъ; онъ — практикъ; его построения мысли и вызваны, и направлены къ исканію *общаго блага*. Въ этомъ альфа и омега русской философіи.

Конечно, каждая медаль имѣетъ обратную сторону; конечно, и русская философская мысль страдаетъ рядомъ недостатковъ. Возвышенность, широта мысли вызываетъ поспѣшныя обобщенія, точно некогда возиться русскому мыслителю съ мелочами. Однако, разумъ, точнѣе рассудокъ, часто не можетъ удовлетвориться нѣкоторыми такими скороспѣлыми построениями мысли. Приходится, вообще, констатировать нѣкоторый *анархизмъ* русской мысли. Какъ и обыкновенно бываетъ, это общее свойство русской мысли рѣзко опредѣлилось у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслителей. При этомъ характерно то, что это свойство особенно ярко опредѣлилось у мыслителей, порвавшихъ связь съ высшими духовными цѣнностями родины и забывшихъ всѣ сдержки. Таковы анархисты: Бакунинъ, Толстой, Крапоткинъ. Отрицательной стороной русской мысли можно считать и, пожалуй, излишнее вниманіе къ практикѣ жизни. Это опять-таки особенно ярко сказалось у массы невѣрующей интеллигенціи, оцѣнивающей все исключительно съ точки зрѣнія «благъ», притомъ чаще всего матеріальныхъ. Достаточно извѣстны намъ всякаго рода матеріалистическія, псевдо-народническія ученія интеллигентской массы, чтобы ихъ перечислять. Причины образованія *такой* интеллигенціи въ Россіи слишкомъ сложны, чтобы сейчасъ ихъ выяснять; вообще же, можно констатировать *надрыгъ* (со времени Петра I), который опредѣляетъ направленіе русской мысли, какъ и русской жизни. Тяжело, страшно тяжело среднему русскому человѣку дойти до точнаго осознанія дѣйствительныхъ пружинъ нашей жизни. Не видя прямо передъ собою, не чувствуя лично всѣхъ *дѣйствительныхъ* благъ, истекающихъ изъ основы нашей жизни— Православнаго Христіанства, видя часто явленія изломанныя, искривленныя людскими недостатками и страстями, средній русскій интеллигентъ, оставаясь на русской же почвѣ признанія первенства во всемъ за благами, начинаетъ и принципиально ихъ понимать въ видѣ исключительно благъ матеріальныхъ.

И вотъ передъ нами возстаетъ зрѣлище грустнѣйшее! Всѣ порывы широкаго русскаго духа идутъ на служеніе односторонне попятнымъ интересамъ якобы народныхъ массъ. Массы идеалистически настроенной русской молодежи идутъ на каторгу, въ ссылку и даже на смерть, въ борьбѣ за ложно и односторонне понятый идеалъ народнаго блага— въ страшную борьбу противъ *жизни и смысла* родного же народа, — Православнаго Христіанства и Русской Государственности.

Таково ужасное ослѣпленіе!

Въ то же время мы видимъ, что отчизна *призываетъ*, по выраженію Ломоносова, этихъ людей «изъ странъ чужихъ», — но тщетно!!! — добавимъ мы.

Какъ бы то ни было, произошло ли все это отъ природныхъ качествъ русской мысли или отъ *надрыва* всей исторіи нашей, принужденной лихорадочно поспѣвать за высоко развитыми народами Запада, — но только характеръ русской мысли именно таковъ, т.-е., повторимъ: съ нѣкоторымъ наклономъ, особенно у такъ называемыхъ прогрессистскихъ мыслителей, къ анархизму и къ излишней, особенно сильной и ложной у тѣхъ же мыслителей, практичности философскихъ построений.

Тѣмъ дороже для насъ проникновеніе взглядами немногихъ русскихъ мыслителей, оставшихся вѣрными завѣтамъ родины и развившихъ каждый особую сторону ихъ, хотя при этомъ и сохранившихъ, при всѣхъ достоинствахъ русской мысли, и указанные ея недостатки, но уже въ особомъ просвѣтленномъ видѣ, какъ мы это увидимъ. У нихъ эти свойства не доминируютъ, но являются служебными, въ одно и то же время и интересными и плодотворными сторонами. Прежде всего, самая русская широта позволяетъ уживаться въ одномъ лагерѣ самымъ противоположнымъ по исходной точкѣ зрѣнія мыслителямъ, что очень важно во всѣхъ отношеніяхъ. И, дѣйствительно, что бы казалось общаго, какъ мы уже отмѣчали, межъ ученіемъ Н. Э. Федорова, уже опредѣленнымъ выше, какъ «философія общаго дѣла» и «философіей личнаго усилія», ученіемъ П. Е. Астафьева?! Не представляетъ ли собою первое ученіе ближайшаго къ обще-русской философіи съ ея широтой? Не является ли второе чѣмъ-то парадоксальнымъ, рѣзко исключительнымъ, какъ ученіе объ отдѣльной личности *прежде всего*? Такъ можно подумать, судя уже по одному названію этихъ учений. Вѣдь принципъ ограниченія, углубленія, хотя бы и въ свои личныя переживанія, глубоко противнымъ долженъ бы быть широкому русскому духу? Но нѣтъ! Если мыслитель въ общихъ своихъ воззрѣніяхъ единопушенъ съ обще-народнымъ, христіанскимъ сознаніемъ, то всѣ его особые взгляды служатъ лишь своеобразнымъ развитіемъ основныхъ же народныхъ взглядовъ, вплетаютъ лишній цвѣтокъ въ букетъ русской мысли.

Да!.. и этотъ вотъ мыслитель, говорящій исключительно о личности, о личномъ усиліи, остается въ рядахъ русскихъ мыслителей.

Это — не «русскій нищеанецъ», какъ готовы окрестить наши, такъ называемые прогрессисты, почти cadaго своеобразнаго русскаго мыслителя. Его личная струя въ обще-русской мысли нужна, даже необходима для общаго дѣла русской мысли. Она даже особенно важна, такъ какъ подчеркиваетъ особую сторону русской философіи: *признаніе великой цѣнности каждой личности и ея мысли, ея необходимости для всѣхъ, необходимости развитія въ ней всѣхъ ея силъ на общее благо.* Принципъ общаго

въ русской философіи и въ русской жизни не соотвѣтствуетъ романскому принципу господства *общаго* надъ личностью; принципъ *общаго* равнозначенъ для насъ съ уваженіемъ ко *всѣмъ* личностямъ (конечно, христіанскаго сознанія). Да притомъ же мы сейчасъ увидимъ, что этотъ мыслитель, столь рѣзко выдвинувшій принципъ личности, какъ бы въ противовѣсъ широтѣ *общихъ* построеній русской мысли—въ самомъ развитіи и въ обоснованіи принципа остается чисто русскимъ мыслителемъ, орломъ, взлетающимъ надъ всякими рамками, установленными на Западѣ по указкѣ нѣмецкаго раціонализма. Сухая идея раціоналистической «линейки» школьнаго учителя въ области философіи (того же почтеннаго труженика-нѣмца) его не привлекаетъ. Онъ идетъ ввысь, онъ идетъ вглубь. мысли, переданной учителемъ, оживляетъ и одухотворяетъ, какъ мы увидимъ, сухіе термины школьной раціоналистической нѣмецкой философіи. Словомъ, увидимъ, что это—настоящій *русакъ*, несмотря на рѣзко выдвинутый имъ, кажется бы, однобокій принципъ личности.

И вотъ, прежде всего, какъ приходитъ нашъ мыслитель къ утвержденію понятія личности и личнаго усилія, какъ основного? . Петръ Евгеньевичъ Астафьевъ полагаетъ, что *начало философіи должно быть обще-пріемлемымъ*. Сразу видимъ мы здѣсь то же признаніе первенства *общаго*, что и у всѣхъ русскихъ мыслителей. Признаніе личнаго усилія, какъ основного въ жизни и мысли, опирается у него на почву *общепризнаемаго*. И, дѣйствительно, съ чего же и начинать философію, какъ не съ *общепризнаемаго*? Бытіе личности, ея мысли и дѣйствія были для величайшихъ мыслителей всегда основаніемъ ихъ системъ. Таковы Сократъ и Декартъ, создавшіе каждый новыя, свѣжія направленія въ ихъ родной философіи (греческой и новоевропейской). Оба они исходили отъ личности. Достаточно вспомнить принципъ: «*cogito ergo sum*». *Здравый смыслъ* личности при всѣхъ великихъ переворотахъ (вспомнимъ Сократа) являлся основой новыхъ мудрствованій. Вторая сторона выставленнаго Астафьевымъ принципа—*усиліе*—опять совпадаетъ съ выдвигающимся въ русской философіи лозунгомъ дѣла.

Теперь особенно отмѣтимъ слѣдующее: самую личность, ея здравый смыслъ Астафьевъ мыслить вмѣстѣ съ ея реализаціей въ жизни. Это не излюбленное нѣмцами-философами отвлеченное понятіе, а *живой человекъ*. *Сила, проявленіе личности, ея актъ лежитъ въ основѣ всего*. Мы видимъ, какъ смѣло и гордо несетъ основная рѣшительная мысль нашего философа. Нельзя подчеркиваетъ онъ, личность понимать отвлеченно, объективно, какъ дѣлается это въ нѣмецкой философіи. Надо считать личность основную существующей въ мірѣ безъ всякихъ затѣй, а не гдѣ-то парящей въ трансцендентальномъ мірѣ нуменовъ (какъ у Канта). Стоитъ принять исключительно духовное пониманіе чего-либо (въ данномъ случаѣ личности), какъ этотъ элементъ духовности при развитіи мысли будетъ утончаться, и скоро исчезнетъ безъ слѣда

и самый основной предметъ. Надо помнить, что трансцендентальный идеализмъ Канта имѣлъ наклонъ и позднѣе перешелъ въ субъективный у Фихте, исключительно объективный у Шеллинга и безусловный у Гегеля. Астафьевъ констатируетъ, что весь этотъ беспочвенный нѣмецкій идеализмъ привелъ, въ концѣ-концовъ, къ странному гегелевскому «понятію о понятіи» — безжизненному принципу, лежащему, однако, по Гегелю, будто бы въ основѣ міра. Вся жизнь, вся исторія, а не только одна личность уже, была понята Гегелемъ, величайшимъ нѣмецкимъ философомъ, какъ развитіе этой, въ концѣ-концовъ, безжизненной основы. *Духъ* проявляется, и безъ всякаго объекта, который кому-либо являлся бы». періодъ за періодомъ, все яснѣе, черезъ тезисы, антитезисы и синтезы... Но какое же понятіе мы себѣ можемъ, въ концѣ-концовъ, составить объ этомъ понятіи?... Само собой разумѣется, говоритъ Астафьевъ, что какъ противоположность такому беспочвенному идеализму долженъ былъ возникнуть чистѣйшій, грубый матеріализмъ. Это и произошло; соответственно этому, и самые нѣмцы изъ прославленныхъ романтиковъ и метафизиковъ времени Шиллера обратились въ современныхъ прозаиковъ и торговцевъ. Соответственно этому и личность человѣческую стали понимать прежде всего какъ скопленіе матеріальныхъ атомовъ. Но что же собой представляетъ и эта пресловутая, постоянно выдвигаемая мыслителями новѣйшей формации, якобы основная *матерія*? «Признавъ сознаніе субъекта за явленіе матеріи, современный критическій реализмъ затѣмъ лишаетъ реальности и самую матерію, объявляя ее въ свой чередъ за явленіе сознанія и обращая такимъ образомъ весь міръ, и въ рядѣ субъективныхъ, психическихъ, и въ рядѣ объективныхъ внѣшнихъ явленій его, въ совокупность какихъ-то «явленій явленій», тѣней тѣней, безъ всякаго субстрата, безъ всякаго субъекта, которому что-либо является, и безъ всякаго объекта, который кому-либо являлся бы» (П. Е. Астафьевъ—«Вѣра и Знаніе», стр. 125). Мы достаточно уже читали и слышали разныхъ позднѣйшихъ хитроумныхъ разсужденій о матеріи, чтобы не согласиться съ Астафьевымъ. Дѣйствительно, матеріализмъ, послѣдовательно развитый, подвергаетъ, въ концѣ-концовъ, сомнѣнію бытіе самой матеріи, обращаетъ ее въ *явленіе явленій*, т. е. въ являющееся личному сознанію, каковое еще ранѣе было признано, въ свою очередь, явленіемъ матеріи. Получается нелѣпый, заколдованный кругъ! Вспомнимъ, что передъ этимъ мы имѣли гегелевское «понятіе о понятіи», какъ результатъ углубленія нѣмецкихъ метафизиковъ-идеалистовъ (раціоналистической складки) въ основаніе всѣхъ вещей, принимавшееся ими за начало духовное (исключительно). Одно другого стѣбитъ!—эти результаты беспочвеннаго раціоналистическаго идеализма и такъ называемаго критическаго реализма, можемъ мы повторить за Астафьевымъ. Отмѣтимъ кстати, что подобный анализъ у Астафьева результатовъ нѣмецкой философіи характеренъ вообще для русскихъ мыслителей, обыкновенно и начинаю-

щихъ съ критики западной философіи. Наши мыслители хорошо выясняютъ при своемъ столкновеніи съ западной мыслью свои живые, такъ сказать, цѣлокупные принципы. Здѣсь какъ бы видимъ выполнение русскими людьми своей исторической задачи примиренія въ одномъ широкомъ ново-создаваемомъ ими жизненномъ потокѣ мысли крайностей, къ которымъ пришла философія Запада въ ея рационализмъ и материализмъ. По крайней мѣрѣ, астафьевское пониманіе живой личности примиряетъ въ себѣ результаты, въ развитіи пониманія личности двумя противоположными, но въ своемъ появленіи взаимно обусловленными западными школами. Воплотѣ понятію отвращеніе Астафьева отъ подобныхъ «результатовъ». Свое же собственное пониманіе личности онъ поэтому и желаетъ прежде всего установить на такой исходной точкѣ зрѣнія, которая была бы несомнѣнной для всѣхъ (не только людей, но, добавимъ, пожалуй, и направленій философіи).

Далѣе,—въ развитіи того, какъ онъ понимаетъ эту исходную точку зрѣнія, живую личность, встрѣчаемъ мы у него рядъ тонкихъ обоснованныхъ соображеній. Личное «я» надо понимать, говоритъ онъ, какъ *самое сущность*, а не только какъ органъ самосознанія. «Я»—это основа; кругомъ него и безъ него и равнѣ, чѣмъ его, мы не можемъ признать ничего объективно-сущимъ. Въ противномъ же случаѣ, т.-е. если мы сначала признаемъ что-либо изъ находящагося внѣ «я» за объективно-сущее, мы тѣмъ самымъ, для обычнаго тривиальнаго взгляда прежде всего, подорвемъ важность принятой нами *основы*.

Мысль человѣческую затѣмъ легко склонить къ тому, чтобы затѣмъ и совершенно отбросить «я», какъ иллюзію. такъ какъ оно не можетъ нашему тѣлесному взору представиться одинаково ясно съ разными окружающими насъ предметами. Стоитъ только признать самостоятельную цѣнность, собственное бытіе за разными предметами, насъ окружающими, какъ наше собственное существованіе будетъ представляться незначительнымъ и даже сомнительнымъ. А вѣдь наша духовная сущность — важнѣйшій «агентъ» въ мірѣ! (Вѣдь это же фактъ!! — и притомъ равно очевидный для всѣхъ!) Таковой и *надо* мыслить нашу личность, а не считать ее лишь за органъ воспріятія внѣ-существующаго, якобы, независимо отъ «я». Надо помнить, что все окружающее насъ имѣетъ бытіе производное, вторичнаго порядка. *«Безъ субъекта нѣтъ ничего!»*.

Отъ себя позволимъ прибавить слѣдующее для поясненія взгляда Астафьева: внѣшніе предметы (столы, лампы и пр.) становятся *объективно* сущими лишь при наличности *субъекта*. Иначе для кого же бы и передъ кѣмъ они и существовали бы. Далѣе отмѣтимъ, что ихъ существованіе, въ такомъ видѣ, какъ они есть, въ значительной мѣрѣ создается, построяется нашимъ же воспринимающимъ «я». Нельзя признать зеленого цвѣта, на-примѣръ, объективно сущимъ; это — результатъ особаго устройства сѣтчатки нашего глаза. То же самое можно сказать и о

другихъ формахъ явленія внѣшнихъ предметовъ: о величинѣ, твердости, непроницаемости. Но крайней мѣрѣ, для иныхъ, чѣмъ мы, существъ эти предметы являлись бы иными. Мы же связываемъ съ видимыми нами предметами цѣлый рядъ вносимыхъ нами же представленій и нашихъ взглядовъ на эти предметы, отношеній къ нимъ. Въ этомъ смыслѣ, полагаемъ, Астафьевъ говорить о созданіи нашею личностью внѣшняго міра.

Въ позднѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, что мыслители, не признающіе субъектъ за основу всего, а стало быть, какъ только что доказано, и сводящіе его къ иллюзіи — ergo отрицающіе его или отбрасывающіе — обыкновенно принуждены бывають затѣмъ, изъ-за практическихъ цѣлей, вновь возсоздавать въ своихъ схемахъ субъектъ по нравственнымъ мотивамъ. Нужно же найти въ комъ-нибудь отвѣтственное лицо при разсужденіяхъ о про-сущахъ!

И вотъ, по соображеніямъ «практическаго разума», возсоздается въ теоріяхъ свободный субъектъ. Вообще, у такихъ мыслителей, какъ Кантъ, и признаніе Бога и внутренне-осмысленной жизни покоятся лишь на такъ называемомъ приматѣ нравственнаго чувства. Конечно, и эта запоздалая попытка признать бытіе свободной личности (признаніе свободной личности, повторяемъ, необходимо для вмѣненія совершаемаго) — эта попытка влечетъ лишь къ горшему, такъ какъ въ основаніи имѣетъ признаніе нравственности «практическаго разума», т.-е. оправданіе всякаго рода, будто бы, *естественныхъ* инстинктовъ, житейскихъ интересовъ и т. д., и т. д. Цѣль не достигается, такъ какъ нравственность этимъ лишь расшатывается... и все благодаря запоздалости и искусственности въ признаніи субъекта, какъ основной сущности.

«Удивительно! — повторяетъ Астафьевъ. — Почему начинаютъ съ разбора познанія внѣшняго міра? Развѣ познаніе о внѣшнемъ мірѣ не разрѣшается, въ концѣ концовъ, въ состояніи личнаго внутренняго сознанія!? Безъ внѣшняго опыта *можетъ* существовать внутренній, но не обратнo же?»

«Да и не знаніе только о себѣ заключается во внутреннемъ опытѣ, а и самое бытіе этого знающаго о себѣ», — подчеркиваетъ нашъ мыслитель. Вообще, знаніе есть только верхній слой или отвлеченіе бытія, которое лежитъ въ основѣ. Вѣдь, знать что-либо можно лишь при особомъ усиленіи акта, внутри насъ происходящаго. Такъ, боль, усиливаясь, доходитъ до порога сознанія и сознается. Такъ и самосознаніе есть результатъ усиленія темпа внутренней жизни, — ergo сущей ранѣ его или, по крайней мѣрѣ, лежащей въ основѣ его. «*Нѣтъ различія*, — говоритъ Астафьевъ, — *между категоріями бытія и знанія*». Эта обобщающая тенденція характерна для русской мысли. Вспомнимъ философію Н. Ѳ. Ѳедорова, не позволявшаго ни въ коемъ случаѣ (ни въ теоріи, ни на практикѣ) отдѣляться знанію отъ жизни. Все должно сливаться въ «общемъ дѣлѣ» по Ѳедорову

или въ единомъ актѣ усилія, соединяющемъ, согласно Астафьеву, и жизнь, и самосознаніе личности.

Если субъектъ есть основа всего, то имъ лишь и сознается и черезъ него лишь и получаетъ бытіе то, что считалось обычно объективно-сущимъ внѣшнимъ міромъ. *Жизнь и знаніе совпадаютъ*, по Астафьеву, такъ какъ знаніе есть лишь вершина бытія. Жизнь и знаніе идутъ въ мірѣ параллельно, являются въ сущности однимъ процессомъ разныхъ лишь темповъ; усиленный процессъ внутренней жизни несетъ уже въ себѣ и сознание себя; но если что-либо изъ переживаемаго лишь едва-едва насъ затрагиваетъ за живое, то мы можемъ и не замѣтить это. Если же что-либо замѣтимъ, то своимъ раздумьемъ объ этомъ усилимъ ясность переживаемаго. Такимъ образомъ, сознавая что-либо внѣ себя, субъектъ тѣмъ самымъ и построяетъ это внѣшнее, и обратно. А такъ какъ знаніе немного (не для всѣхъ) запаздываетъ въ своемъ появленіи, то надо вѣрнѣе выразиться такъ: субъектъ еще раньше почти безсознательнымъ усиліемъ воли, направленнымъ во-внѣ, создаетъ внѣшнее, которое позднѣй и сознаетъ самъ, лишь только это внѣшнее приметъ для него болѣе опредѣленные формы. Сознаніе личностью переживаемыхъ ею боли или любви ведетъ за собой усиленное вниманіе къ этимъ переживаніямъ, чѣмъ она усиливаетъ, раздуваетъ, такъ сказать, эти переживанія.

Направленное во-внѣ личности ея усиліе встрѣчается со своимъ же ощущеніями раннихъ напластованій на психическое ядро личности. И въ своемъ построеніи зависимаго отъ нея, въ происхожденіи, внѣшняго міра, — личность руководится впечатлѣніями-сопротивленіями, испытанными отъ столкновенія усилій личности съ ранѣе изъ нея вышедшими толчками, отложившимися, объективировавшимися, отвердѣвшими на ея периферіи. Основнымъ различіемъ въ «усиліяхъ» личности является различіе активныхъ и пассивныхъ состояній, — т.-е. устремляющееся куда-либо усиліе личности встрѣчаетъ или не встрѣчаетъ сопротивленія. Такъ какъ *активность есть основа субъекта, какъ матеріальность основа объекта*, то сопротивленіе можетъ испытываться личностью только отъ личности же. Испытывая активно-направленная на нее усилія, личность этимъ убѣждается въ существованіи иныхъ личностей; и это въ то время, когда испытываемая личностью пассивныя сопротивленія несколько еще не могутъ убѣдить ее даже и въ дѣйствительномъ бытіи матеріальнаго внѣшняго міра. Изъ ощущаемаго личностью пассивнаго сопротивленія она можетъ убѣдиться лишь въ фактѣ преодоленія ею отвердѣвшихъ актовъ усилія, исходшихъ изъ нея же. Вообще, весь матеріальный объективный міръ создается самою же личностью — таково воззрѣніе Астафьева.

Утверждаемое Астафьевымъ построение всего внѣшняго міра изъ личности представляетъ собою смѣлое, но, кажется, слишкомъ малообоснованное утвержденіе. Широка, размахъ русской

мысли сказываются здѣсь вполне, но... мы уже отмѣчали, что всякая медаль имѣетъ обратную сторону и что русская философская мысль имѣетъ свои прирожденные недостатки. Понятіе о вещественномъ, внѣшнемъ, матеріальномъ здѣсь, въ этой теоріи, всецѣло разлагается на испытываемые личностью толчки-сопротивленія, вѣрнѣе сказать, на результаты-наслоенія отъ этихъ толчковъ. Да и вообще самое существованіе внѣшняго, объективнаго міра, при данной теоріи, представляетъ еще большой вопросъ. Вѣдь личность внѣ себя знаетъ, испытываетъ лишь рядъ сопротивленій, которыя можетъ приписать и чему-либо иному, чѣмъ реально-существующему внѣшнему міру. Полной увѣренности въ реальности внѣшняго міра личность не получаетъ. Наличность особенно усиленнаго вниманія къ внутреннимъ актамъ можетъ объяснить и оправдать слабое, въ философскомъ смыслѣ, объясненіе существованія внѣшняго міра.

Для насъ же, независимо отъ достаточности объясненій Астафьевымъ бытія внѣшняго міра, важно отмѣтить сейчасъ превалирующую все цѣнность, придаваемую нашимъ философомъ личности. Вся жизнь, и дальше мы это ясно увидимъ, представляется ему, какъ комплексъ *цѣнностей*, накопленныхъ въ процессѣ міровой жизни. Тутъ увидимъ цѣнности такія, какъ высоко развитую въ нравственномъ смыслѣ, выстраданную личность святаго человѣка; національности, какъ сумму общихъ усилій ряда поколѣній; высшую цѣнность въ мірѣ — Церковь Христову, безконечно-великую сокровищницу благодати, создающую и выстраданную Сыномъ Божиимъ; цѣнности-«капиталы», накопленные, на примѣръ, и въ семьѣ въ результатъ долгой любви двухъ существъ. На этихъ *китахъ* цѣнностей, по его мнѣнію, стоитъ наша жизнь. Исходя изъ этой точки зрѣнія, изъ признанія важнѣйшимъ существованія этихъ цѣнностей, и будетъ дальше нашъ философъ оцѣниваетъ всю «громядо-несущуюся» жизнь.

Ко всему этому, повторяемъ, могъ придти Астафьевъ, лишь признавъ личность и ея жизнь имѣющей въ основѣ акты (а не понятія или явленія, какъ у нѣмецкихъ философовъ). Эти дѣйствительно суще акты личности могутъ быть ею же реально-познаваемы, такъ какъ это — *вещи*, т.-е. вышедшіе изъ нея и уже объективно существующіе факты. Самая личность есть такое же основное усиліе, первичный актъ, начавшій далѣе созидать себя и изъ этого сознанія строящій міръ:

Могутъ возразить, что при усиленномъ самонаблюденіи, наоборотъ, многое изъ переживаемаго нами теряетъ свою силу. Извѣстно, какимъ развѣдающимъ образомъ дѣйствуетъ сухой анализъ наблюдающаго и регистрирующаго ума на всѣ движенія сердца. Вѣчная драма всѣхъ «гамлетовъ» въ томъ, что безконечный анализъ лишаетъ ихъ всего цѣннаго въ жизни. И, дѣйствительно, при самонаблюденіи выигрываютъ въ чистотѣ и законченности лишь головныя переживанія, схемы чисто интеллек-

туального порядка. Мысли, напримѣръ, выигрываютъ въ ясности при вдумчивости, но явленія чувства понижаются и увядаютъ.

Но! — возражаетъ Астафьевъ, — отсюда мы, наоборотъ, убѣждаемся въ томъ, что вообще усилие, хотя бы и при самонаблюдении, обладаетъ творческою способностью. Усилие можетъ перестраивать залово нашъ внутренній міръ; этотъ міръ не пропадаетъ, онъ лишь видоизмѣняется подъ вліяніемъ акта самонаблюдения.

Словомъ, Астафьевъ изъ этого возраженія извлекаетъ лишь новый козырь для подкрѣпленія своей теоріи.

Отмѣтимъ пока сейчасъ, прерывая порядокъ изложенія мыслей Астафьева, еще одну важную сторону его ученія. Признаніе акта, творчества личности характерно для него, какъ для христіанина, который не можетъ довольствоваться принципами постоянства массы матеріи, сохраненія энергіи, достаточнаго основанія и проч. Все ученіе эволюционистовъ покоится на этихъ меркантильныхъ принципахъ нашего вѣка. Астафьевъ, наоборотъ, признаетъ возможность всегда «новаго» созданія, новой энергіи, «творчества» въ мірѣ. Его философія есть какъ бы «прорывъ въ вѣчность» изъ-подъ ферулы якобы научныхъ законовъ (??) жизни. Въ этомъ и ея своеобразная цѣнность, ея прелесть, ея же новый актъ!

Что же теперь (будемъ продолжать прерванное) является болѣе первичнымъ изъ нашихъ переживаній: состоянія воли и чувства или наши мысли? Выше доказано, что вторженіе новаго не портитъ нашу жизнь; оно привноситъ новыя «цѣнности»; творчество самонаблюдения особенно развиваетъ интеллектуальныя состоянія. Но еще выше было сказано, что мысль — вершина дѣла, такъ что самонаблюденіе утончаетъ наше знаніе и тѣмъ же самымъ и наше бытіе. Элементы воли и чувства блѣднѣютъ при этомъ стало быть именно потому, что они — *первичныя*, отъ которыхъ отошла энергія личности, направленная нами для утонченія нашего сознанія, наблюдаемаго нами. Изъ этого же послѣдняго мы убѣждаемся въ томъ, что *воля* лежитъ въ психическомъ центрѣ личности, ибо перемѣщеніе ея, при самонаблюденіи, на периферію явленій сознанія въ нашей личности — ослабило основное напряженіе нашей жизни въ явленіяхъ чувства-воли, и усилило сознательность и ясность интеллектуально представляемаго нами.

Характерно и то, что и самыя мысли наши мы можемъ лучше всего наблюдать при ихъ движеніи, переходѣ, т.-е. въ состояніи усилія же, дѣйствія. Все это лишь подчеркиваетъ особую важность элементовъ двигательныхъ, волевыхъ въ насъ, такъ какъ безъ нихъ и самая мысль нереальна (для насъ, а стало быть, и въ насъ: вѣдь знаніе и бытіе совпадаютъ).

Можетъ быть выставлено еще слѣдующее возраженіе: если все сосредоточено въ нашихъ внутреннихъ переживаніяхъ, то

самознученіе, самосознаніе должно, вѣдь, происходить, по сравненію съ ранѣе пережитымъ, т.-е. «лю памяти», отчего, конечно, могутъ происходить большія неудобства. «Однако, — возражаетъ Астафьевъ, — если мы начнемъ изученіе сначала переживаній у другихъ людей, то не будемъ ли мы опять все это понимать по-своему, т.-е. сводить на сравненія со своими же собственными переживаніями, полагать послѣднія критеріемъ знанія? Конечно, такъ! А стало быть мы этимъ самымъ признаемъ первенство, примать по значенію за своими же переживаніями».

Изученіе личной жизни не ведетъ обязательно къ ошибкамъ; возможна провѣрка однихъ переживаній другими, новыми. Съ переживаніями возможны и эксперименты. Притомъ, какъ бы все это не было сложно и залутанно, мы можемъ утѣшиться тѣмъ, что и въ способахъ познанія внѣшняго міра столь же много всякаго рода трудностей. И тамъ, между прочимъ, чѣмъ больше узнаемъ, тѣмъ меньше знаемъ.

Правда, знаніе о себѣ, получасмое изъ самоуглубленія въ тайники своей души, трудно передать кому-нибудь другому. При этомъ еще довольно легко передать мысль, но гораздо труднѣе свое внутреннее переживаніе изъ элементовъ воли и чувства, сотканное изъ нѣжнѣйшихъ переживаній личности. Однако, вспомнимъ, что на пониманіи простѣйшаго акта движенія (возьмемъ простой кивокъ головы), означающаго, напимѣръ, изъявленіе симпатіи или антипатіи, могутъ сойтись въ одинаково хорошемъ его пониманіи очень различные люди, какъ «аеонскій монахъ и репортеръ америкалской газеты», по характерному выраженію Астафьева. И можно быть увѣреннымъ, что иной простой кивокъ, одно пожатіе руки можетъ означать гораздо больше, чѣмъ длительное расужденіе.

Итакъ, понятія силы, акта, движенія достаточно для *начала* философскаго. Теперь спрашивается, откуда сама эта сила? Гдѣ ея начало?

«Если, — отвѣчаетъ Астафьевъ, — это *начало* даетъ основу для безконечнаго развитія жизни, то нельзя причину его полагать въ конечныхъ вещахъ. Всѣ извѣстныя намъ, что-либо создающія или причиняющія явленія (пространственныя и временныя) — конечны и притомъ въ появленіи на свѣтъ Божій, какъ было доказано выше, являются производными (и какъ разъ отъ личности же), а стало быть ни одно изъ нихъ не можетъ быть принято за начало принятаго нами *начала*».

Основное «я» не трансцендентно, но въ этомъ же и залогъ бытія Высшей трансцендентной Воли. Эта Воля даетъ основной толчокъ бытію нашего «я», *творитъ* челоѣка. Какъ христіанинъ, Астафьевъ понималъ основное творческое начало въ лицѣ Бога. Какъ самое бытіе отдѣльныхъ воль дается Имъ, такъ и общее мѣрило для отдѣльныхъ пониманій истины, добра и красоты, замѣтимъ кстати, дается Имъ же. Если личность и выдвигаетъ свои идеалы, то она хорошо сознаетъ ихъ, имен-

но, какъ выдвинутые ею, а стало быть, безусловные, по могущіе подчиниться идеаламъ высшимъ.

Теперь посмотримъ, какъ, исходя изъ признанія личнаго начала, созданнаго Божествомъ, Астафьевъ построяетъ свое пониманіе всей жизни міра. Общую, такъ сказать космологическую часть своего ученія П. Е. Астафьевъ называетъ *критической монадологіей*, въ параллель и противоположность до нѣкоторой степени догматической монадологіей Лейбница. Оба они признаютъ и Бога, и монады-личности, но взаимоотношеніе этихъ основныхъ элементовъ строятъ различно. Лейбницъ, сказавъ: «въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ Бога и личности», подчеркнул этимъ, что все въ мірѣ и основывается единственно на прямыхъ отношеніяхъ этихъ элементовъ. Возможность же и наличность согласованныхъ между собою дѣйствій многихъ личностей онъ объяснялъ «предустановленной гармоніей», исходящей отъ Бога. Непосредственно же межъ личностями не можетъ быть сношеній; послѣднія совершаются черезъ посредство Божества, давшаго отъ Себя и законъ «предустановленной гармоніи»; этотъ законъ заключается въ томъ, что всѣ разрозненные движенія отдѣльныхъ личностей направляются и приводятся, такъ, сказать, къ единому желаемому, къ единому общему дѣлу въ мірѣ.

Астафьевъ же признаетъ *реальное, непосредственное* взаимодействие личностей межъ собой. Лейбницъ полагалъ, что только Богъ создаетъ міръ, «какъ свою привычку». Астафьевъ же это послѣднее объясняетъ, какъ мы уже видѣли, изъ обростанія личностей ихъ же переживаніями. Астафьевъ, такимъ образомъ, отличается отъ Лейбница (кромѣ ученія о реальномъ, непосредственномъ взаимодействіи личностей) и тѣмъ, что считаетъ личность не только «живой точкой», какъ Лейбницъ, но и обростшею тѣломъ и вообще сущей въ цѣлокупности духа и тѣла, «субъектъ — объектомъ», какъ онъ опредѣляетъ позднѣйшее состояніе личности (послѣ указаннаго обростанія).

Кстати отмѣтимъ, что замѣчающееся все же во многомъ совпаденіе русскихъ по духу мыслей Астафьева съ мыслями Лейбница можно объяснить, до извѣстной степени, славянскимъ происхожденіемъ Лейбница, бывшаго хотя по культурѣ нѣмцемъ.

Но не только одинъ общій комплексъ всѣхъ сущихъ въ мірѣ личностей во главѣ съ Создателемъ его признаетъ Астафьевъ. Онъ полагаетъ, что существуютъ и меньшіе комплексы личностей, діады, напримѣръ. Такая діада, двоица, есть, напримѣръ, союзъ двухъ существъ въ семьѣ или въ дружбѣ. Могутъ существовать и триады (троицы) и т. д. При этомъ во всякомъ такомъ комплексѣ или союзѣ командующая роль обязательно принадлежитъ одной личности: союзъ строится и живетъ по типу самопостроенія и жизни личности. Это — организмъ, какъ и личность. Такъ и понимаетъ Астафьевъ существованіе семьи, племенныхъ группъ, національностей, государствъ и т. д. Кстати: конечно, чѣмъ больше объемъ группировки, тѣмъ слабѣй ея вну-

тренняя связь. Конечно, и эта большая группировка *обростаетъ*, какъ личность, внѣшнимъ, матеріальнымъ. Внутренняя же связь, на коей покоится жизнь группы, можетъ ослабѣвать или усиливаться. Возможны и революціи въ этихъ группахъ, какъ это видимъ и въ исторіи, т.-е. перестроенія, распаденія и соединенія разныхъ группировокъ. Жизнь и смерть какъ личности, такъ и группы — *developpement* и *enveloppement*, расширение и суженіе сферы, выработанной основнымъ центромъ. «Смерти нѣтъ!» — провозглашаетъ смѣлую мысль Астафьевъ. (Вспомнимъ Ѳедорова съ его ученіемъ о необходимости и возможности побѣды надъ смертью, *мертвой природой*. Въ обоихъ случаяхъ сказывается смѣлый, возвышенный порывъ русскаго духа, религіознаго по своему существу и въ общемъ оптимистическаго). Основное «я» личности безсмертно, какъ получившее начало свое отъ Господа Бога; смерть человѣка лишь распаденіе и перестроеніе сферы его дѣйствій, его жизни. И прежде всего, конечно, безсмертно Божество во всѣхъ отношеніяхъ, какъ и неизмѣнное окостенѣвшей периферіи, имѣющейся у всякой нашей земной личности. И отношенія наши, живыхъ и вѣчныхъ личностей, къ Богу иныя, чѣмъ къ другимъ личностямъ; эти отношенія уже порядка религіознаго.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

С. Матвѣевъ.

(Опытъ выясненія основныхъ идей и чертъ русской мысли.)

II. Философія усилія личности *).

(Ученіе П. Е. Астафьева.)

II.

Свобода воли. Оптимизмъ и пессимизмъ. Интеллектъ и чувство—воля.
Любовь. Женщина.

Мы излагаемъ ученіе Петра Евгеньевича Астафьева въ порядкѣ, общепринятомъ при изложеніи философскихъ системъ. Сначала нами была выяснена гносеологія—ученіе его о познаніи какъ о слитомъ съ жизнью, затѣмъ метафизика—его ученіе о личности, какъ основѣ всего сущаго, наконецъ, — космологія—его общее міропониманіе, а именно,—построеніе имъ всего міра изъ переживаній личности. Теперь, какъ это естественно и общепринято, слѣдуетъ переходъ къ этикѣ и далѣе ко всѣмъ вообще прикладнымъ практическимъ выводамъ изъ этого стройнаго и интереснаго ученія. Отчасти всѣ почти выводы уже были изложены при разныхъ отступленіяхъ, что дѣлалось для поясненія нѣкоторыхъ отвлеченныхъ мыслей Астафьева.

При особомъ интересѣ, съ которымъ Астафьевъ относился къ личности и при томъ великомъ значеніи, которое онъ придавалъ ей, — естественно прислушаться прежде всего, какъ мыслить онъ личность въ ея практическихъ дѣйствіяхъ въ мірѣ. Итакъ, — прежде всего, — свободна ли личность въ этихъ дѣйствіяхъ и отвѣтственна ли за совершаемое? Астафьевъ отвѣчаетъ утвердительно на эти вопросы.

Вѣдь, отрицаніе свободы личности, — ergo ея отвѣтственности, выросло изъ общаго современнаго механическаго міровоззрѣнія, имѣющаго дѣло лишь съ даннымъ матеріальнымъ и якобы единственно какъ таковымъ и существующимъ міромъ и «всѣмъ, что въ немъ». Полагаютъ, что въ мірѣ идетъ лишь механическая перетасовка этихъ мертвыхъ элементовъ. И разъ самая лич-

*) См. Май—Іюнь, ст. 68.

ность является такимъ же матеріальнымъ и текучимъ элементомъ, то гдѣ же отвѣтственность?! Вездѣ мыслится лишь слѣпая эволюція, «переходъ» изъ одного состоянія въ другое. На основаніи 'якобы вполнѣ установленныхъ законовъ сохраненія энергіи и постоянства массы, не допускается въ мірѣ возможности какого-либо *творчества* вновь, а стало-быть и отвѣтственности за это (къ тому же самому ведутъ и законы достаточнаго основанія въ логикѣ и причинности въ физико-химіи).

Надо принять однако во вниманіе, что новѣйшія изслѣдованія ученыхъ по разнымъ областямъ въ жизни въ значительной мѣрѣ уже поколебали эту «установленность» подобныхъ законовъ. Создаются цѣлыя системы философскія, принимающія въ основу отсутствіе такихъ «законовъ» и дающія новыя попытки научнаго міровоззрѣнія. Въ наукѣ и философіи происходитъ цѣлый переворотъ.

При допущеніи же постоянной эволюціи мертвыхъ, слѣпыхъ матеріальныхъ элементовъ (напр., атомовъ) въ мірѣ, не можетъ быть нравственности какъ обще-обязательной, всеобщей и единой. Если же вообще о нравственности и можетъ итти рѣчь, то только какъ о вполнѣ совпадающей съ «законами» мертвыхъ массъ. По Спенсеру, въ будущемъ «нравственное поведеніе станетъ просто естественнымъ поведеніемъ». Страшно и подумать, чего только нельзя разумѣть, при желаніи, подъ этимъ «естественнымъ» поведеніемъ?! Спенсеръ же полагалъ, что въ основу будущей системы нравственности слѣдуетъ положить утилитаризмъ (то хорошо, что даетъ болѣе перерывъ наслажденій).

Но, — говоритъ Астафьевъ, — если бы даже такая безумная схема поведенія была установлена, (а люди къ этому идутъ въ социалистическихъ ученіяхъ)—то кто же или что могло бы вдохнуть стремленіе проводить эту систему въ жизнь? Вѣдь каждая система, какъ таковая, содержитъ и ограниченія для личности. Кто же зажегъ бы святой огонь негодованія и любви, да еще для проведенія такой низменной теоріи? Правда, Контъ надѣялся на блаженное время, когда всѣ согласно будутъ подчиняться по важнѣйшимъ вопросамъ рѣшеніямъ коллегій ученыхъ. Милль же полагалъ, что достаточно лишь установить систему, схему благъ, чтобы ввести ее и въ жизнь. Авторъ настоящей статьи помнитъ выраженіе одной революціонной барышни: «Въ будущемъ нравственность будетъ *впрыскиваться*, какъ мышьякъ». Въ послѣднемъ случаѣ сразу ясно, что свобода воли совершенно не признается. Но и вообще для обоснованія и принятія даже системы нравственности, опирающейся на утилитаризмъ и потому много предоставляющей человѣчеству, недостаточно, конечно, какъ полагаютъ вышеупомянутые мыслители, лишь установленія самой системы.

При невозможности благодаря этому удовлетвориться на практикѣ отсутствіемъ всякаго побужденія для личности слѣдовать

установленной «нравственности», многіе мыслители, отрицая въ сущности свободу и отвѣтственность личности, были принуждены затѣмъ все же признать, хотя и въ обходномъ порядкѣ, свободу воли. Практическія требованія объяснить и оправдать существованіе воспитанія, наказаній и суда привели, еще у Канта, къ признанію *примата* (первенства) практическаго разума, признанію, какъ замѣчали многіе, совершенно не связанному съ разумомъ критическимъ у него же. Но, — говоритъ Астафьевъ, — конечно, нельзя строить зданіе съ крыши. Сперва надо обратиться къ изученію личности и посмотрѣть, не найдемъ ли мы въ ней еще чего-нибудь другого (*Къ вопросу о свободѣ воли*. Оттискъ изъ трудовъ Моск. Психол. Общ. 1899 г.).

Здѣсь, прежде всего, мы сталкиваемся съ *фактомъ сознанія личностью своей свободы*, ерго отвѣтственности, — фактомъ, единогласно признаваемымъ. Однако въ объясненіи происхожденія этого факта и въ провѣркѣ, не ошибается ли личность, ученые расходятся. Астафьевъ сводитъ всѣ выставлявшіяся по этому поводу ученія къ двумъ основнымъ. Первое, — *ученіе трансцендентальной свободы*, — признавая полное господство въ мірѣ причинности и т. п. законовъ, считаетъ необходимымъ для утвержденія нравственной отвѣтственности признать, что личность не ошибается; однако это ученіе полагаетъ, что свобода для личности имѣлась лишь единственный разъ, при самомъ началѣ ея бытія, еще въ мірѣ интеллигбельномъ, т.-е. невидимомъ, а мыслимомъ, въ которомъ раньше была личность. Тамъ, т.-е. при началѣ своего бытія, личность была свободна разъ навсегда опредѣлить направленіе будущей своей дѣятельности, опредѣлить свой характеръ какъ добрый или злой (говоря въ грубыхъ чертахъ). Все же дальнѣйшее существованіе и поведеніе личности уже опредѣлены этимъ первоначальнымъ ея выборомъ и всецѣло подчиняются механическимъ законамъ причинности и т. д.

Второе ученіе, — *детерминизмъ*, т.-е. совершенное отрицаніе свободы воли, — исходя опять-таки изъ незыблемости якобы установленныхъ навсегда наукой законовъ внѣшняго міра, причинности и т. д., полагаетъ, что для обоснованія нравственной отвѣтственности именно и необходимо признать, что личность не выходитъ и не можетъ выходить изъ границъ этихъ законовъ. Иначе-де ея дѣйствія были бы бессмысленными, ерго неотвѣтственными. Надо именно признать, что личность дѣйствуетъ всегда въ указанныхъ границахъ, ибо при этомъ только она и можетъ быть разумной, — ерго отвѣтственной. Ученіе странное! — скажемъ отъ себя, чтобы не говорить большаго. Въ сущности детерминизмъ совершенно отрицаетъ не только свободу воли, но и самый субъектъ, какъ живую, самостоятельную личность, такъ какъ не допускаетъ, чтобы личность могла *вырваться* изъ земныхъ цѣпей, ее связывающихъ. Отрицаніе самаго существованія личности этимъ ученіемъ, — говоритъ Астафьевъ, — ясно, такъ какъ свобода воли — душа личности (по его мнѣнію).

Первос учение, т. е. трансцендентальной свободы, — въ сущности, также отрицаетъ самое личность, ибо, согласно Астафьеву, міръ внѣшній есть реальность и отсутствіе свободы дѣйствій въ немъ для личности, превращаетъ ее въ иллюзію.

Но корень всѣхъ указанныхъ Астафьевымъ заблужденій, повторяемъ, въ признаніи установленности якобы законовъ внѣшняго міра. Странно! — говоритъ Астафьевъ: полагають, что выяснивши ссылкой на «установленные» законы ложность сознанія самой личностью ея свободы, тѣмъ самымъ уже рѣшили вопросъ. Не хотятъ посмотрѣть, каково же въ дѣйствительности вліяніе этого хотя бы и «ложнаго» сознанія личности на жизнь. Разберемъ же, гдѣ и когда личность показываетъ и вообще можетъ показать себя свободной.

Прежде всего надо выяснитъ, о какой свободѣ можетъ итти рѣчь. Надо строго различать вопросы о свободѣ *рѣшенія* и *дѣйствія* (напр., собака привязана, но бѣгать можетъ). Нельзя смѣшивать внѣшняго принужденія со внутренними сдержками. Итакъ, — разсуждая о свободѣ воли, надо говорить лишь о свободѣ *рѣшеній*.

Наша воля — основа всего, — повторяетъ Астафьевъ свое уже прежде установленное положеніе (см. часть первую); воля не слагаетъ только данное, а *строитъ изъ себя* новое. При этомъ нельзя, во-первыхъ, понимать личную свободу какъ согласіе съ разумомъ: онъ вѣдь также строится нами. Нельзя, во-вторыхъ, волю представлять только хотящей: она способна, кромѣ желаній, и на усилія, она состоитъ изъ нихъ. Воля не эпифеноменъ (не спутникъ) переживаній, а участникъ въ нихъ и участникъ дѣятельный. Правда, она не можетъ создать сразу новую энергію, но она свободна привести въ дѣйствіе уже имѣющіеся запасы ея, можетъ перевести потенциальную энергію въ кинетическую и различнымъ образомъ скомбинировать направленіе этихъ силъ.

«Вѣдь усиліе, пока оно остается усиліемъ, утверждается не опредѣленнымъ, неотмѣнно даннымъ ему отвнѣ состояніемъ, но тѣмъ состояніемъ, которое вызвано его же собственнымъ актомъ: его энергія и направленіе опредѣлены для него поэтому *не ранѣе* этого акта, но тѣмъ состояніемъ, которое этотъ актъ самъ производитъ». (А. И. Веденскій. Оттискъ изъ Богосл. Вѣстн. 1863 г., № 6. — *П. Е. Астафьевъ*.) Усиліе — *телеологическое* начало жизни сознанія; наша душа въ особомъ (внутреннемъ) отношеніи къ созданнымъ ею же цѣлямъ.

Мы видимъ, какъ просто и ясно основное пониманіе личности у Астафьева разрѣшаетъ вопросъ прикладной морали. Усиліе есть *фактъ*, а не требованіе этики, внѣшней къ нему. Личность сама опредѣляетъ свое поведеніе согласно сознаваемымъ ею законамъ нравственности, сознавая въ то же время полную свободу своихъ рѣшеній.

Конечно, упомянутые *законы нравственности* ничего обща-

го не имѣютъ съ «естественной нравственностью» Спенсера. Астафьевъ разумѣетъ эти законы нравственности, какъ установленные Богомъ, высшую цѣнность и высшее значеніе которыхъ личность сознаетъ и, при желаніи, подчиняется имъ. Этотъ вопросъ о «Божіей правдѣ» будетъ разсмотрѣнъ нами, когда мы послѣдуемъ за нашимъ мыслителемъ къ разсмотрѣнію и рѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ жизни. Сейчасъ же, слѣдуя установленному уже порядку, вернемся опять къ жизни личности.

Итакъ, — что же можетъ получить человѣкъ въ результатѣ всѣхъ своихъ «усилій», своего слѣдованія законамъ нравственности, своего, такъ сказать, аскетизма? Не есть ли и такъ уже жизнь сама по себѣ одно сплошное страданіе! А тутъ еще «нормы», воздѣйствующія на наше поведеніе, да еще ставимыя нами же самими (*самопринужденіе*), вслѣдствіе нашего сознанія необходимости подчинить свои порывы иному Закону!

Астафьевъ опровергаетъ такой пессимизмъ (*Чувство, какъ нравственное начало*. (Психолог. очеркъ.) Москва, — 1886 г.). Для рѣшенія этого вопроса Астафьевъ разбирается въ основныхъ элементахъ души человѣческой. Посмотримъ же и мы, какіе элементы въ ней онъ находилъ. Это важно, такъ какъ показываетъ намъ весь душевный матеріалъ, находящійся въ распоряженіи нашихъ «усилій».

Современная научная психологія, какъ утверждалъ и самъ Астафьевъ, отказалась приписывать первичность и придавать, вообще, главное значеніе какому-либо одному элементу души человѣка (волѣ, чувству или интеллекту), принимая смѣшанность всѣхъ этихъ трехъ элементовъ въ каждомъ переживаніи. Нѣтъ составной безразличныхъ логически, этически, эстетически и т. д. Въдѣ только при выдѣленіи отдѣльныхъ этихъ элементовъ изъ состава переживаній нашихъ, мы найдемъ ихъ лишенными всего пріятнаго и тягостными поэтому.

«Конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, что выдѣливъ, напримѣръ, изъ чувства половой или родительской любви, какъ это дѣлаютъ пессимисты (Гартманъ), всѣ эпические, эстетическіе и т. п. моменты, мы должны будемъ признать это чувство какимъ-то недоразумѣніемъ, заблужденіемъ, страданіемъ, лишеннымъ всякой цѣнности, какъ это пессимисты и дѣлаютъ...» «Разсуждать такъ, какъ это дѣлаютъ пессимисты, такъ же нетрудно, какъ, наприм., доказать, что въ комнатѣ темно, потушивъ въ ней предварительно всѣ огни...» Нельзя однако отрывать другъ отъ друга «вопросъ о цѣнности акта или состоянія сознанія, — логической, нравственной, эстетической и религіозной, съ одной стороны, и вопросъ цѣнности эвдемонологической съ другой, тогда какъ *первая непременно порождаетъ* и послѣднюю, вслѣдствіе ихъ неразрывной связи въ *единомъ* актѣ психическаго усилія, сознанія бытія». (А. И. Введенскій—указанная выше статья.)

Астафьевъ приводитъ лишь слѣдующее различіе основныхъ элементовъ душевнаго строя у человѣка: интеллектъ — объекти-

вень; чувство — субъективно; воля же не обладает односторонностью ни того, ни другого. *Чувство обратно пропорционально состоянiямъ интеллекта и прямо пропорционально волевымъ напряженiямъ.* Согласiе чувства и воли въ ихъ противоположности состоянiямъ интеллекта видно въ слѣдующемъ: 1) *По памяти* можно возстановить переживание интеллекта, но не чувства-воли. 2) *Отъ продолжительности* ощущенiя впечатлѣнiя и представленiя (акты интеллекта) не нарастаютъ въ силѣ (красный цвѣтъ не становится краснѣе). Переживанiя же чувства, наоборотъ, усиливаются отъ продолжительности, по крайней мѣрѣ въ теченiе долгаго времени, — конечно, благодаря волѣ, лежащей въ основѣ, главнымъ образомъ, не интеллектуальныхъ состоянiй. 3) *При сосредоточенiи вниманiя* представленiя, относящiяся къ области интеллекта, выясняются, а состоянiя чувства-воли блѣднѣютъ и убиваются. Вѣчная драма всякихъ Гамлетовъ въ томъ, что ихъ разсудокъ, анализирующiй все, лишаетъ ихъ всего цѣннаго въ жизни.

Слѣдуетъ замѣтить, что данная характеристика противоположности состоянiй чувства-воли и состоянiй интеллекта не дѣлается совершенно объективно. Астафьевъ постоянно во всемъ присутствуетъ самъ своими чувствами и волей при самыхъ отвлеченныхъ переживанiяхъ, какъ это и слѣдуетъ, согласно его системѣ. дѣлать Чувству-волѣ онъ и отдаетъ преимущество передъ интеллектомъ. Хотя, такимъ образомъ, онъ неправъ съ формальной стороны, онъ тѣмъ не менѣе вполне правъ со своей оригинальной основной точки зрѣнiя, — предпочтенiя *цѣнностей*, создающихся переживанiями чувства-воли, а не сухими выкладками нашего интеллекта.

Слѣдующими чертами опредѣляетъ онъ еще дальше преимущества чувства-воли. Эти состоянiя нельзя передать: они — глубоко индивидуальны, одно чувство захватываетъ насъ вполне, нормально исключая другое; каждое чувство сопровождается и мускульными движенiями. При опредѣленности объекта, на который направлено чувство, оно немного требуетъ затратъ энергии, но постоянно ищетъ себѣ своего «предмета». Да и самый предметъ — то, т. е. объектъ, мы начинаемъ цѣнить, только видя уходящую изъ насъ энергию, отлагающуюся на этомъ предметѣ, который при этомъ становится какъ бы частью насъ самихъ. Для цѣнности предмета необходимо также, чтобы наше чувство къ нему было соединено съ ощущенiями страданiя или наслажденiя. Важна и роль фантазiи въ ростѣ чувства.

Отсюда, отъ этихъ вопросовъ и отъ намѣтившихся уже отчасти выводовъ относительно внутренней жизни человѣка (именно — особой цѣнности переживанiй чувства-воли) уже ясенъ переходъ къ слѣдующему важнѣйшему въ жизни вопросу, вопросу о любви, о мужчинахъ и женщинахъ въ частности. Правильное разрѣшенiе этого вопроса выяснитъ намъ природу даннаго чувства, нормальныя отношенiя мужчины къ женщинѣ и обратно, дастъ

фундаментъ для построения идеала семьи, этого прототипа всѣхъ человѣческихъ группировокъ. Не забудемъ, что въ рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ Астафьевъ опирается на основное свое учение о личности, какъ основѣ всего. Ея переживанія, только что очерченныя, создаютъ весь тотъ міръ, въ коемъ она живетъ. Итакъ, какова же личность въ одномъ изъ важнѣйшихъ чувствъ, въ любви? а что это за чувство, сплачивающее людей въ союзы разнаго рода, все болѣе и болѣе широкіе: діады, триады... мірады и т. д.? (О болѣе широкихъ группировкахъ можетъ идти рѣчь только по выясненіи основной, т.-е. семьи.)

Человѣкъ любить не за прекраснѣйшія качества, констатируетъ Астафьевъ, такъ какъ всегда бываютъ лица и съ еще болѣе прекрасными качествами, чѣмъ данный объектъ или «предметъ». Необходимое условіе любви, какъ это опять устанавливаетъ Астафьевъ, — *неравенство*: сильный любить слабого и обратно. То же и въ дружбѣ. Этимъ выясняется основное свойство любви вообще. Это — *жертва*. Жертва приносится любящимъ и тогда, когда онъ любить болѣе сильнаго, вообще выше стоящаго, такъ какъ любящій влагаетъ весь запасъ своихъ чувствъ на то, чтобы еще выше поднять любимаго на пьедесталь, идеализируетъ его. Вспомнимъ прекрасную характеристику любви у Апостола Павла: «Любовь долго терпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ. Любовь никогда не перестанетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится». (Перв. послан. къ Коринтянамъ; гл. XIII; ст. 4—8.)

Согласно съ этой несравненной характеристикой любви и Астафьевъ говоритъ, что любовь часто не прекращается, а усиливается даже отъ пренебреженія любящаго; это особенно бываетъ у слабыхъ натуръ. Любовь «питается» слабостями, замѣченными въ любимомъ человѣкѣ, не погасаетъ отъ этого, а усиливается: «не по хорошу миль, а по милу хорошъ». Чѣмъ больше вложено думъ, чувства, вообще внутренней духовной энергии и силъ на любимый «предметъ», тѣмъ онъ дороже. Мать больше любитъ годового ребенка, чѣмъ новорожденнаго. Раненый солдатъ больше любитъ отечество, чѣмъ только что взятый по набору рекрутъ. Такимъ образомъ, не въ наслажденіяхъ, не въ пользѣ, не въ удобствахъ источникъ любви, а въ *страданіяхъ*. (Если позволено будетъ, вспомнимъ «жестокіе» романы о страданіяхъ отъ «тирапа» души.) Мы любимъ отъ полноты своей души, силами, требующими приложенія, отъ готовности къ дѣйствіямъ, «жертвамъ». Въ этомъ послѣднемъ опредѣленіи мы видимъ, какъ причудливо и пластично въ то же время мысль нашего философа, почерпающаго свое одушевленіе изъ первоосновы русской жизни — Православія, сплетается съ грубоватымъ практицизмомъ

русскаго человѣка «здраваго смысла», да и практицизмомъ всей нашей жизни. Астафьевъ опредѣляетъ высшій христіанскій элементъ *жертвы* въ любви, и въ то же время подчеркиваетъ, что наличность, т.-е. простой грубый фактъ избытка силъ направляетъ человѣка къ исканію, гдѣ приложить свои силы, замятъ любовнаго жара.

Не забудемъ, что эти частныя мысли Астафьева (о любви) связаны съ его общими представленіями о жизни личности, развѣтывающейся въ мірѣ своими внутренними силами и создающей себѣ свой театръ жизни, свою сферу, а въ данномъ случаѣ—семью, основу всякаго нормальнаго общественнаго строя, лчѣйку христіанской общности. Во время любви,—говоритъ Астафьевъ,—человѣкъ живетъ повышенною жизнью; все накопившееся въ немъ, въ результатъ долгой внутренней работы, приходитъ въ движеніе, ищетъ исхода; открываются такія струны въ душѣ, которыхъ и не подозреваешь. Естественно при этомъ, что человѣкъ отдаетъ всего себя, и душу и тѣло любимому; ничего зазорнаго нѣтъ въ томъ, что онъ ищетъ поцѣлуевъ, объятій и т. д.; вѣдь человѣкъ отдается вполне, становится съ любимымъ одной душой, одной плотью. При этомъ у натуръ слабыхъ любовь расходуетъ ихъ силы очень скоро: отсюда — ихъ брюзжаніе, сцены и т. д.; ихъ гнѣвъ—отъ безсилія. Сильныя же натуры въ любви эгоистичны; любовь—*всегда съ ненавистью*, такъ какъ любовь— есть чувство по самой природѣ своей, требующее исключительности. Она можетъ возникнуть по *всякому* поводу (даже изъ самаго противоположнаго чувства). Настолько велика и широка любовь въ зарожденіи своемъ и развитіи! Она даже можетъ становиться сильнѣе при отдаленности «предмета». Вообще, достаточно вспомнить, сколько прекрасныхъ фразъ, романовъ, стихотвореній и т. д. создано самими различными поэтами, освѣщающими это чувство съ самыхъ разныхъ сторонъ и не могущими исчерпать ея широты и глубины. Какъ и все въ нашемъ мірѣ, любовь можетъ проходить, когда чувство развило всѣ свои силы и использовало ихъ, сказало «свое слово». Но можетъ быть это чувство и вѣчнымъ; вообще, окончательнаго опредѣленія ему не можетъ быть дано, при всемъ величій этого чувства. Во всякомъ случаѣ, «слѣдъ» переживаній всегда останется въ душѣ любящаго, хотя бы, напримѣръ, какъ отдѣльная попытка развить себя, свою личность, въ такую-то сферу, — попытку, хотя бы и оставленную или даже брошенную.

Теперь представляется вполне естественнымъ переходъ къ опредѣленію различій въ душевномъ строѣ мужчинъ и женщинъ. Астафьевъ основывается въ данномъ вопросѣ и его рѣшеніи, какъ увидимъ далѣе, на оригинальномъ законѣ «ритма» психической дѣятельности.

Что же собой представляетъ этотъ объектъ любви — женщина? Въ чемъ ея противоположность мужчинѣ и чѣмъ, съ другой стороны, онъ является для нея? Астафьевъ посвятилъ большое

изслѣдованіе этому вопросу, видимо отнесясь къ нему съ большою любовью (*«Психическій міръ женщины, его особенности—превосходства и недостатки»*. Москва. 1899 г.). Данный вопросъ настолько важенъ въ жизни, что позволимъ на немъ остановиться себѣ поподробнѣе. Дѣло касается, вѣдь, половины человѣческаго рода и жизни всего его. Не забудемъ, что вся послѣдующая характеристика женщины связана у Астафьева съ его общими взглядами, съ его особымъ вниманіемъ къ жизни личности. Астафьевъ становится на точку зрѣнія вполне безпристрастнаго наблюдателя и анализируетъ съ какимъ-то филиграннымъ совершенствомъ разбираемое. Вообще, прикладные вопросы рѣшаются имъ съ болѣею отчетливостью. Онъ призываетъ всѣхъ отказаться отъ преувеличенныхъ въ ту или иную сторону опредѣленій женщинъ, допустивъ уже а priori возможность въ ней и достоинствъ и недостатковъ. Прежде всего, онъ полемизируетъ съ различными гг. освободителями женщины, подчеркивая значеніе женщины, главнымъ образомъ, для семьи. «Семья—не ассоціація какихъ-то свободныхъ персонъ,—восклицаетъ онъ. Это—основная ячейка всей общественности. И значеніе женщины здѣсь велико!» Еще Лабулэ сказалъ, что цивилизація измѣряется не тѣмъ, что думаютъ мыслители, а тѣмъ, что думаютъ женщины и что онѣ передаютъ потомству. Странно говорить о «правахъ» женщины. Вѣдь ей никто не мѣшаетъ участвовать въ жизненной конкуренціи. Притомъ же русскіе законы, по крайней мѣрѣ, вполне ограждаютъ права женщинъ въ наслѣдствѣ и т. д. Какого же освобожденія еще желаютъ? Главенство юридическое въ семьѣ, правда, и въ Россіи остается за мужчиной (выборъ мѣста жительства, занятій, способа воспитанія дѣтей), но вѣдь семья, какъ и всякая организація, нуждается въ устроеніи власти внутри себя. А кому неизвѣстно, что на практикѣ у насъ въ 90 случаяхъ изъ 100 женщины всѣмъ верховодятъ въ семьѣ. Относительно же предоставленія женщинамъ правъ государственныхъ, нужно войти въ обсужденіе, болѣе глубокое, всѣхъ свойствъ женщинъ. Надо помнить: summum ius—summa iniuria. И почему это всегда говорятъ: *дайте права*—и вы увидите, какъ высоко станетъ женщина. Права не даются—они естественно принадлежатъ или берутся съ боя въ жизни. Филантропія—дѣло искусственное, нежизненное и стало быть отрицательное.

Для опредѣленія же психическаго міра женщины А—въводитъ сначала общее свое положеніе, связанное съ его общимъ пониманіемъ жизни «основной личности».—«Чѣмъ разнообразнѣе и многочисленнѣе отправления какого-либо организма (какъ у женщинъ)..., тѣмъ большее число измѣненій испытываетъ его внутренняя среда, тѣмъ разнообразнѣе его внутреннія влияния;» это же обстоятельство «требуется и болѣею точности, быстроты этихъ реакцій» и наоборотъ (стр. 34.). Словомъ «что выигрывается въ скорости, то теряется въ силѣ». Это послѣднее надо сказать пре-

жде всего о женщинѣ, объ ея организаціи. Потеря въ силѣ и напряженіи дѣйствій объясняется прежде всего функціей материнства; много силъ уходитъ на зачатіе, ношеніе, рожденіе и кормленіе дѣтей. Это же справедливо и о незамужнихъ, т. е. энергичный процессъ кровотоверенія у нихъ все время идетъ. Остатокъ же силъ распределяется на множество мелкихъ, хрупкихъ, точныхъ реакцій на все окружающее, безъ возможности сосредоточиться на чемъ-либо одномъ. Вообще, жизнь организма опредѣляется основнымъ закономъ «психическаго ритма». Ритмъ дѣйствій прежде всего отличаетъ, и очень своеобразно, жизнь женщины. Женщина впечатлительнѣе, раздражительнонѣе мужчины; смѣна впечатлѣній у нея идетъ быстрѣе; ея внутренняя природа измѣнчива, неустойчива, хрупка; у нея—неудержимая сила немедленно реагировать на все; она меньше можетъ сопротивляться истеріи и проявляетъ все переживаемое въ реакціяхъ двигательнаго характера. Во внѣшнемъ строеніи тѣла для нея характерна большая емкость туловища, приспособленнаго для вынашивания дѣтей. Зато руки и ноги прикрѣплены уже такъ, что неспособны къ большой работѣ. Центръ тяжести тѣла у нея, вообще, ниже, чѣмъ у мужчины. Поэтому она ведетъ болѣе сидячую жизнь; да и вообще женщина болѣе «ждетъ», чѣмъ сама дѣйствуетъ. Личные вкусы у нея проявляются слабѣе (самка среди животныхъ безучастно наблюдаетъ борьбу самцовъ изъ-за нея, чтобы отдаться побѣдителю.) Зато ея реакціи точны, скоры и неустойчивы. Отношеніе ея механической силы къ мужчинѣ, въ среднемъ, 16:26. Но при этомъ она выносливѣе; ея округлыя формы таятъ большой запасъ силъ, и организмъ благодаря этому скорѣе восстанавливается послѣ болѣзней и потрясеній. Она больше любитъ жизнь; самоубійствъ среди женщинъ гораздо меньше, т. е. онѣ могутъ больше вынести. Она инстинктивно бережетъ свою жизнь, избѣгаетъ при этомъ излишествъ. Жизнь женщины въ среднемъ длиннѣе; она больше заботится о здоровьѣ. По отзывамъ врачей, женщины превосходятъ всякую мѣру въ точномъ описаніи своихъ страданій. Онѣ хранятъ жизнь *рода*. И ея жизнь вполнѣ развивается только при отправленіи своего назначенія: физически женщина укрѣпляется сама послѣ рожденія дѣтей.

Психическій міръ женщины состоитъ изъ ряда болѣе цѣльныхъ, чѣмъ у мужчины, переживаній, болѣе яркихъ, эмоциональныхъ т.-е. окрашенныхъ чувствомъ, но не связанныхъ въ точные ряды, а конкретныхъ, единичныхъ, практичныхъ и постоянно сопровождающихся жестами. Чувствованія ея, правда, болѣе пассивны, но это же придаетъ имъ болѣе цѣнность, т. е. болѣе волнуютъ насъ чувства неясныя для насъ. Поэтому женщина вся соткана изъ «настроений», «желаній». И она любитъ вмѣстѣ съ тѣмъ быстрю смѣну этихъ легкихъ и въ то же время глубокихъ (на данныхъ моментъ) переживаній. Отъ повторенія впечатлѣній она уклоняется и потому менѣе под-

держана скупѣ, болѣе жизнерадостна. Правда, ея уклоненія не имѣютъ активности; воля вообще у нея пассивна и только на отдѣльные моменты проявляетъ себя, особенно когда желательный эффектъ для ея волевыхъ напряженій близокъ, ясенъ, осуществимъ. «Мужчина,—сказалъ еще Лотце,—не прочь предпринять и такія вещи, которымъ рѣшительно не видать конца, если только дѣло идетъ о проведеніи какого-нибудь общаго начала; женщинамъ же необходимо наглядно выставить ожидаемый успѣхъ; онѣ хотятъ предчувствовать окончательный видъ того, къ чему должна на послѣдокъ привести (неинтересная для нихъ) тревога дѣятельности». Ихъ умъ полонъ инстинктивной дѣятельности. «Чутьемъ» угадываютъ онѣ многое и часто гораздо лучше мужчинъ. Едва ли есть вообще что-либо въ мірѣ непонятное для ихъ ума, но есть многое, чѣмъ онѣ никогда не привыкнутъ интересоваться. Вундтъ сказалъ: «мужчина хочетъ знать, женщина довольствуется вѣрою, доказательства же *возбуждаютъ даже недоверіе*». Вообще женщина не интересуется строгими выкладками точной мысли, которыя имѣютъ для ума мужчины свою своеобразную, даже эстетическую, прелесть. Понять же любую систему женщина всегда можетъ. Но она интересуется болѣе конкретнымъ. Легуве сказалъ: «женщина изумительно познаетъ людей, но она не знаетъ человѣка (вообще); ничего не ускользаетъ отъ нея въ отдѣльномъ человѣкѣ и почти все темно для нея въ человѣческомъ родѣ». Богатство *безсознательной* внутренней работы въ ней проявляется во мгновенныхъ, быстрыхъ вспышкахъ и отвѣтахъ. Мысль женщинъ полна граціи, точности и непринужденности; все «само собой» выходитъ, а не вымучивается, какъ у мужчинъ. Въ ея умѣ сидятъ готовые логическія послышки, и выводъ каждую минуту готовъ изъ нихъ. Вспомнимъ нѣсколько прекрасныхъ моментовъ въ описаніи женщинъ у Толстого (Война и миръ). Марія Болконская сразу нашла, какъ вести себя въ присутствіи Николая Ростова, изумивъ непринужденной граціей опытную кокетку гувернатку-француженку. Наташа въ первый же свой выѣздъ на петербургскомъ балу сразу заняла мѣсто «парицы» и плѣнила князя Андрея. Женщина изъ низшаго сословія взятая, способна стать въ любомъ обществѣ, и даже самомъ высшемъ. Вообще, женщины практичнѣе. «Въ чужой странѣ—говоритъ Бокль,—васъ поймутъ прежде всего женщины, угадаютъ ваши желанія, капризы и т. д.» Самой природой своей онѣ предназначены ухаживать за дѣтьми, за стариками, точно угадывать ихъ. Онѣ и сами способны выказать своими сотнями улыбокъ, жестовъ свое настроеніе. Поэтому онѣ и хитрѣе; въ практической жизни онѣ могутъ дешевле купить и способны дороже продать (въ этомъ ихъ уже и хозяйственная цѣнность). У мужчины же—нѣкоторая деревянность мысли. Люди въ отдѣльности для него—ничто. Онъ разлагаетъ ихъ въ своемъ умѣ по ихъ взглядамъ, интересамъ, социальному положенію, ведетъ имъ, такъ сказать, статистику въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ.

Конечно, это въ высшей степени важно при всякаго рода профессиональной, исключительной дѣятельности.

«Итогъ сказаннаго тотъ, что особенності женской мысли и такта имѣютъ особенно существенное значеніе въ тѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ, гдѣ требуется вліяніе одного лица на другое, не внѣшнее, но внутреннее, не понудительное, но свободно и сочувственно воспринимаемое, не юридическое, политическое, экономическое или логически - понудительное, но морально - воспитательное» (стр. 78).

Наклонности же мужчины къ рѣзко опредѣленнымъ профессіямъ, въ томъ случаѣ, если не будутъ сдерживаемы смягчающимъ вліяніемъ женской души, поведутъ къ «китаизму», окаменѣнію общества въ разныхъ рамкахъ. Въ современномъ сѣренкомъ, пошломъ по своему внутреннему содержанію, обществѣ только и могъ создаться механической идеаль фаланстеры и всѣхъ иныхъ подобныхъ социалистическихъ чаяній.

Подготовка женщины къ жизни, ея образованіе должны быть энциклопедичными. Вѣдь главная ея задача—родить и воспитать новое поколѣніе и передать ему начатки всѣхъ знаній. И женщины недосыгаемы въ своей области. Въ біографіи каждаго сколько-нибудь выдающагося чловѣка главное значеніе имѣетъ мать. Въ біографіи каждаго забитаго, истомившагося—школа. У постели больного женщина также незамѣнима; для нея нѣтъ болѣзней, а есть *больные*. Кстати: современная медицина все больше приходитъ къ этому же. Образъ «сестры милосердія», «родной» достаточно уже вознесенъ, чтобы рѣшиться еще прибавлять къ нему что-либо.

Женщина способна при научныхъ занятіяхъ наблюдать, впитывать въ себя, но не ставить активно опыты. Особенно хорошо она можетъ популяризовать результаты научныхъ работъ. На точные и долгіе выводы у нея не хватаетъ терпѣнія; она желаетъ сразу все схватить и прежде всего какой-либо практической выводъ. О прошломъ и будущемъ она не беспокоится, устремленная вниманіемъ къ настоящему. Ученые же профессора, всѣмъ извѣстно, какъ разъ наоборотъ—подъ носомъ-то у себя ничего и не видятъ.

Мужчины и самихъ-то себя способны разлагать въ умѣ на составныя части и даютъ часто себѣ правильную оцѣнку. Женщина же никому не позволить себя *равнять* съ кѣмъ-бы то ни было. Прудонъ сказалъ: «всякая женщина хочетъ быть исключеніемъ». Это и вполнѣ понятно, если вспомнить исключительный интересъ женщины ко всему индивидуальному—ergo самоцѣнному. Мужчинѣ его способность отвлеченія даетъ возможность дѣйствовать на массы, на отдѣльныя поколѣнія. Онъ способенъ къ юридической, точной, безпристрастной, систематичной мысли, а для женщины важнѣе, чѣмъ отвлеченное право, реальная справедливость. Она оскорбляется, когда отвлеченный законъ беретъ на себя рѣшить участь «пѣлаго» чловѣка, и особенно самой же женщины.

Извѣстно, что слѣдователи доходятъ до отчаянія при своихъ точныхъ юридическихъ вопросахъ женщинъ. Вѣдь для женщины, важнѣе «вся правда жизни».

Поэтому-то особенно скверными представляются женщины, имѣвшія своей внутренней природѣ, — взявшіяся за юридическую дѣятельность: адвокаты, закладчики, банкиры. Вѣдь и борясь, женщина не разлагаетъ въ умѣ врага, она примѣняетъ въ борьбѣ всю ярость ненависти къ нему, какъ цѣльной личности, и имѣя запасъ точныхъ юридическихъ свѣдѣній и уловокъ, доводитъ соперника до отчаянія. Самыя ужасныя формы принимали поэтому войны религіозныя и національныя лишь благодаря участію женщинъ. Онѣ легко становятся адептками всякаго рода іезуитовъ. Женщины вообще меньше, чѣмъ мужчины, совершаютъ убійства, но статистика отмѣчаетъ, что среди этихъ убійствъ гораздо большій процентъ квалифицированныхъ, т. е. выходящихъ изъ ряда вонъ по своей мучительности и надругательству надъ убиваемымъ. И оскорбить никто такъ не сумѣетъ какъ женщина.

При цѣлости всѣхъ переживаній у женщины, естественно, нѣтъ мѣста тому *раздвоенію*, о которомъ было сказано, что человекъ самъ дѣлаетъ, чего не желаетъ. Извѣстно, что многіе мужчины, замѣчательные какъ мыслители, были грубѣйшими развратниками въ то же время. У женщинъ же все въ мѣру. Онѣ—аристократки какъ бы по рожденію (отсюда и обожаніе ихъ мужчинами), ничего грубаго онѣ не сдѣлаютъ, если не увлечены страстью; тогда уже, какъ было только что сказано, онѣ—безпощадны. Вообще же онѣ живутъ болѣе ровно и стараются все приводить къ такому же положенію. Благодаря этому свойству, онѣ легче свыкаются съ несчастіями; онѣ найдутъ и тутъ выходъ, чѣмъ разнообразить жизнь, придумаютъ даже для этого что-нибудь, если въ наличности этого не имѣется. Отсюда ихъ склонность къ сплетнямъ, сценамъ, капризамъ. Такова—естественная женщина. Но женскія черты остаются и у женщинъ «ученыхъ». Послѣднія очень притязательны; онѣ не способны къ опредѣленію себя «скромнымъ труженикомъ», какъ бы это и слѣдовало при неспособности къ творчеству, а лишь къ популяризаціи. Мужчины же умѣютъ точно опредѣлять свое общественное положеніе по способностямъ и склонны даже гордиться самоопредѣленіемъ, напимѣръ, какъ скромнаго труженика.

Женщина, умѣя находить въ окружающемъ всегда что-либо полезное, умѣло используя это (что очень дорого въ несчастіи), очень привязана ко всей установившейся «бытовой» сторонѣ жизни. Она же въ значительнѣйшей степени и создаетъ этотъ «бытъ», постоянно во всѣхъ мелочахъ внѣшней обстановки жизни реализуетъ свое внутреннее содержаніе. По обстановкѣ ея комнаты можно судить о ея характерѣ, чего нельзя сказать о мужчинахъ, реализующихъ себя на очень отдаленныя цѣли. Поэтому женщина консервативнѣе мужчины, упорнѣе его держится за установившійся порядокъ. Однако, поэтому же женщина болѣе чутко вос-

принимаетъ фальшивость той или иной обстановки, она способна болѣе страстно (съ любовью и ненавистью) отдаваться «новому», дѣлается ярой адепткой признаннаго ею, и при этомъ выполняетъ свое великое назначеніе—быть дѣйствительнымъ проводникомъ «поваго» въ жизнь. Самое отвлеченное положеніе она сумѣетъ реализовать наилучшимъ образомъ въ дѣйствительности. Поэтому-то Лабула и сказалъ, что культурный уровень страны измѣряется тѣмъ, что думаютъ женщины.

Такъ какъ женщина не любитъ вообще стоять на отвлеченной догмѣ, то она по-своему, чисто-практически, глядитъ и на вопросы высшей морали, если только не охвачена въ данный моментъ особымъ повышеннымъ религіознымъ рвениемъ. Она, любя, *все прощаетъ*, хотя отчасти и потому, можетъ быть, что проступки противъ нравственности у мужчины не влекутъ непременно, и сразу, распадена семьи, а послѣднюю, вѣдь, надо ей поддерживать при всякихъ обстоятельствахъ. Будучи хозяйкой въ семьѣ, женщина въ противномъ случаѣ встанетъ за сохраненіе ея самымъ ревностнымъ самоотверженнымъ образомъ. И другой женщиной, хотя и посторонней, она не проститъ проступковъ противъ нравственности, желая поддержать инстинктивно вообще принципъ семьи.

Какъ теперь женщина относится вообще къ успѣхамъ и всякаго рода блатамъ жизни? Изъ предыдущаго очерка женскаго характера ясно, что ее не можетъ прельщать, какъ мужчину, загробная слава у отдаленнѣйшихъ поколѣній. Скорѣе маленькіе успѣхи въ окружающемъ, можетъ быть и тѣсномъ міркѣ, но успѣхи видимые, реально-воспринимаемые цѣнятся женщиной. Отсюда ея желаніе плѣнить, покорить къ ногамъ своимъ и т. п.; отсюда—кокетство, желаніе блеснуть, хотя бы и одеждой и брилліантами; отсюда только женщинѣ присущая ревность безъ любви.

И надо сказать, что эта маленькая страсть успѣха влечетъ женщину часто, какъ бабочку на огонь. Считая себя всегда исключеніемъ, женщина способна поддаться и грубой лести. Иногда и чисто-рыцарское отношеніе, обожаніе мужчины приводитъ ее къ самозабвенію. Такъ, женщинамъ-писателямъ вообще симпатизируютъ, раздувая ихъ славу, въ то время какъ многимъ мужчинамъ очень трудно вообще пробить дорогу къ извѣстности. Послѣднее для нихъ отягощается тѣмъ, что они задаются часто очень отдаленными и трудно выполнимыми идеями, и идутъ по своей дорогѣ какъ-то тяжело, деревянно, не желая нисколько считаться съ обстоятельствами. Цѣня же внѣшнее, женщина легко можетъ и ошибиться въ своемъ выборѣ мужчины, поддавшись скорѣе блестящему вертопраху, чѣмъ дѣйствительно достойному, но неуклюжему и скромному челоуѣку.

Успѣшность занятій самой женщины въ разныхъ областяхъ интеллектуальной жизни очень различна. Такъ какъ къ творчеству женщина неспособна, то послѣ женщинъ-философовъ остался лишь рядъ блестящихъ анекдотовъ, остроумныхъ замѣчаній больше кри-

тического характера (м-мъ Сталь). Въ музыкѣ женщина, неспособная къ творчеству, выдается лишь изумительной способностью популяризации исполненія; при томъ же исполненіе ихъ блестяще не оригинальностью, а тонкостью отдѣлки (Астафьевъ опредѣляетъ это исполненіе, какъ исполненіе «мелкимъ бисеромъ»). Гораздо болѣе выдающимися являются женщины-пѣвицы, но при этомъ потому только, что въ этомъ родѣ искусства гораздо легче можно проявить безсознательно для себя, инстинктивно всю сложную и многоцѣнную внутреннюю работу своей души (вѣдь инструментомъ является свой же собственный голосъ). Въ словесности женщина отличается въ низшихъ ея родахъ (романъ, лирика); но драма, эпосъ, требующіе особенно возвышеннаго строя духа, глубокихъ и трагичныхъ переживаній—для женщины почти закрыты (вѣдь, женщина сама не любитъ ничего ужаснаго, надрывающаго, отвлеченнаго, далеко идущаго).

Вообще для мужчинъ, а они въ большинствѣ склонны къ разнаго рода (иногда—якобы) великимъ задачамъ, женщины часто вполне заслуженно являются элементомъ, охлаждающимъ ихъ пыры. Сколько разнаго рода подобныхъ «личностей» плачутся горькими слезами, что вотъ-де ихъ баба заѣла, колотовка, своимъ несочувствіемъ, а то бы они широко расправили свои крылья и т. д. Несомнѣнно, конечно, что въ большинствѣ подобныхъ случаевъ женщины правы, и выполненіе ими этого своего охлаждающаго вліянія можно только привѣтствовать. Инстинктивно чувствуя, а иногда и вполне сознательно понимая, женщина, съ другой стороны, цѣнна для мужчины своимъ сочувствіемъ и поддержкой, столь необходимой и для великихъ людей. Не всѣ Сократы, можно смѣло сказать, имѣли супруговъ, аргументирующихъ полоскательными чашками противъ отвлеченностей мыслителя. Извѣстны многіе совершенно противоположные примѣры, когда женщина помагаетъ своему мужу въ изслѣдованіяхъ, доводимыхъ ею притомъ до совершенной точности (Кюри-Складовская и др.).

Остается, въ заключеніе, сказать нѣсколько теплыхъ словъ, слѣдуя Астафьеву, относительно домогательствъ сторонниковъ женскаго равноправія (имъ же нѣсть числа) въ дѣлахъ государственныхъ. Все предшествующее изложеніе, совершенно объективно установившее свойства и склонности женскаго характера, даетъ, кажется, достаточно основаній признать, что это—*не сфера женщины*. Далекія задачи, планомѣрно юридически достигаемыя, не плѣняютъ ее. И если женщина почему-либо сама стремится (какъ суфражистка) къ равноправію въ данной области, то только изъ нѣкотораго чувствуемаго ею оскорбленія лишеніемъ правъ (какъ, дѣйствительно, можно и кто посмѣетъ оскорбить женщину!). Это особенно остро ею чувствуется при неудовлетворенности вообще своей жизнью. Нормально же женщина и не интересуется политикой; если же, затронутая лично, и выступить въ этой сферѣ, то внесетъ немедленно всю страстность своего односторонняго увлеченія и во многомъ обостритъ и ухудшитъ положеніе. Зато жен-

лица способна, и очень хорошо, царствовать, стоять надъ Давъ всей нации; рядъ выдающихся великихъ государынь подтверждаетъ это. И прежде всего это объясняется способностью женщины дѣйствительно «царить», стоять выше всѣхъ, какъ высшая цѣнность. Притомъ же положеніе царствующей особы не требуетъ непременно знанія *спеціальныхъ* областей жизни (отдѣльныхъ функций правленія); достаточно лишь давать руководящій тонъ политикѣ, умѣло приспособляясь къ обстоятельствамъ, инстинктивно понимая, въ чемъ благо въ данномъ случаѣ для родины и всячески поддерживая достойныхъ новаторовъ. Женщины вообще лучше понимаютъ отдѣльныхъ людей и умѣютъ пользоваться ими и подбирать ихъ какъ для салона, такъ и для кабинета министровъ. Притомъ же женщина болѣе мужчины способна быть хранительницей традицій страны и вести поэтому здоровую національную политику. Мужчины же государи, за исключеніемъ выдающихся геніевъ, какъ разъ способны поддаваться мелкимъ интригамъ (часто женщинъ же), и теряютъ поэтому свое руководящее значеніе, особенно при трудныхъ обстоятельствахъ.

Данный (второй) отдѣлъ нашей статьи растянулся очень сильно, но охватилъ лишь практическіе выводы изъ ученія П. Е. Астафьева, касающіеся жизни самой личности. Усиленный интересъ къ жизни личности, характерный для самого Астафьева, подчеркиваетъ самую суть его «философіи усилія личности». Въ послѣдующемъ постараемся изложить его практическіе выводы изъ этого ученія, касающіеся дѣлъ болѣе общаго порядка: религіи, національной жизни и т. п.

(До слѣд. книжки.)

С. Матвѣевъ.

*****

(Опытъ выясненія основныхъ идей и чертъ русской мысли.)

II. Философія усилія личности *).

(Ученіе П. Е. Астафьева.)

III.

Вопросы вѣры и Церкви. Вопросы націи и государства. Оцѣнка современности.

Мы изложили въ предыдущихъ двухъ очеркахъ общія воззрѣнія Петра Евгеньевича Астафьева и частные его выводы, касающіеся жизни личности (вопросы свободы воли, оптимистическаго и пессимистическаго настроенія личности, вопросы любви и семейной жизни). Въ настоящемъ попытаемся изложить выводы Астафьева относительно жизни общественной (религіозной, политической и національной).

Всѣ частные взгляды Астафьева, какъ мы уже отмѣчали, тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ его общимъ взглядомъ на личность, какъ основной «актъ», усиліемъ своимъ раскрывающійся въ мірѣ и создающій изъ себя и для себя окружающую периферію или сферу, въ которой личности и приходится дѣйствовать. Изъ этихъ внутреннихъ излученій силы и создаются комплексы личности въ семьѣ, племени, націи и т. д.

Астафьевъ очень цѣнитъ эту работу личности, прямо называетъ «цѣнностями» массы личныхъ энергій, накопленныя въ семейныхъ, племенныхъ и національныхъ союзахъ. Но прежде всего и больше всего онъ цѣнитъ величайшую въ мірѣ сокровищницу — Церковь, явившуюся въ мірѣ въ результатѣ накопленія безсмертныхъ заслугъ Сына Божія, Своею Кровью ее и создавашаго.

Каково же должно быть наше отношеніе къ этой величайшей сокровищницѣ благъ? Постараемся показать — какъ Астафьевъ относится вообще къ христіанской религіи? какъ понимаетъ ее? (въ противоположность самозваннымъ истолкователямъ Астафь-

* См. пред. кн., стр. 74.

евъ при этомъ остается постоянно на почвѣ общаго церковнаго преданія — замѣтимъ это, забывая впередъ).

Пониманіе Астафьевымъ нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ даннаго порядка уже было ранѣе отмѣчено (признаніе свободы воли, сознанія личностью необходимости подчинять себя Высшей Правдѣ).

Кромѣ установленія этихъ общихъ положеній, вопросы даннаго порядка освѣщены имъ болѣе подробно въ его статьѣ *Религіозное «обновленіе» нашихъ дней*, въ сборникѣ *Вѣра и Знаніе*; этихъ же вопросовъ онъ касается отчасти и въ другихъ работахъ.

При этомъ характернымъ оказывается слѣдующее. — Исходя изъ своей основной мысли о личности, какъ главнѣйшемъ «агентѣ» въ мірѣ, онъ отказывается самъ дать вполне законченный отвѣтъ на вопросы и запросы религіознаго міровоззрѣнія. Онъ предлагаетъ каждому *выжить* самому свое религіозное міровоззрѣніе. Однако, его руководящія указанія, его критика современныхъ вождей интеллигенціи въ этихъ вопросахъ уже сами по себѣ представляютъ много цѣннаго. Къ этому и обратимся мы.

Онъ признаетъ фактъ религіознаго пробужденія человѣчества въ наше время, послѣ 50-лѣтія господства позитивизма. Въ народѣ — секты неудовлетворенныхъ жизнью. Очевидно, блестящій «прогрессъ» 19 вѣка не далъ людямъ счастья. Въ интеллигентскихъ сферахъ выдвигаются и вызываютъ сочувственное вниманіе разные «пророки». На Западѣ носителями этихъ запросовъ явились Шопенгауэръ, Гартманъ, Ницше, Карусъ (въ Америкѣ); у насъ — Достоевскій, Толстой, Вл. Соловьевъ.

Однако, — констатируетъ Астафьевъ, — характерно, что всё это движеніе является въ сущности *приспособленіемъ, использованием религіи въ цѣляхъ разумнаго(?)*, нравственно социалистическаго устройства жизни. Метафизика догматовъ, мистицизмъ молитвы отвергаются почти всѣми (равно какъ и столь важная въ религіи обрядность).

Въ этомъ сказался, въ сущности, гнусный практицизмъ современности, требующій и отъ религіи прежде всего пользы, хотя бы и въ видѣ моральнаго исправленія общества. Особенно характерно это для Толстого. Однако, религія, лишенная этимъ мыслителемъ проявленія нѣсколькихъ сторонъ своей дѣйствительности, не могла уже дать ничего его послѣдователямъ. Владимиръ же Соловьевъ, хотя и признавалъ догматическую и мистическую стороны религіи, считалъ однако пользой и *оправданіемъ* религіи то, что она даетъ намъ «нормы жизни». Эти «нормы» включаютъ въ себя и государственную и церковную структуру общества. Вытекаетъ задача устройства царства Божія на землѣ при помощи религіи, т. - е. на теократической основѣ. (Оговоримся: взгляды Соловьева мѣнялись, и критика Астафьева касается, конечно, не всѣхъ періодовъ мысли философа, а скорѣе замѣтнаго постояннаго «уклона» его мысли).

Какъ противоположность этому практическому уклону религиозно-философскихъ мыслителей, Астафьевъ подчеркиваетъ свою мысль о необходимости именно *личности* прежде всего обращаться къ Богу. Философія *усилія личности* повторяется и здѣсь. Протестуя противъ мертвой вѣры всѣхъ заботящихся объ использовании религіи, Астафьевъ исходитъ изъ своего коренного убѣжденія, что воля, являющаяся центромъ личности, — *свободна*. Такимъ образомъ, — никого нельзя заставить повѣрить, какія бы «блага» самыхъ различныхъ порядковъ ему ни разрисовывали отъ принятія религіи. А вѣдь Толстой, напримѣръ, какъ бы заставляегь принять свою «религію», усиленно разрисовывавая пользу ея, какъ бы рекламируя ее: у него постоянно описывается всеобщее благоденствіе принявшихъ его принципы (впрочемъ — въ сказкахъ!). Нельзя заставить повѣрить и при помощи цѣлнхъ силлогистическихъ доказательствъ. Научная религія также невозможна, какъ и чисто-практическая. Намъ *непосредственно* дается увѣренность въ высшихъ идеалахъ, въ «конечныхъ цѣляхъ» — причинахъ». Нужно и исполнѣ возможно внутреннее убѣжденіе или «охотное согласіе» личности съ основнымъ положеніемъ религіи: «что Онъ *есть* и взыскающимъ Его *мздовоздатель бываетъ*». Исполнѣ возможно для личности охотно согласиться съ этимъ положеніемъ, т. - к. она сама знаетъ себя какъ элементъ «конечный», рѣшающій, свободный. Богопознаніе, такимъ образомъ, возможно только какъ откровенное, внутри личности свободно воспринимаемое. Эта внутренняя увѣренность есть увѣренность совершенно особаго порядка въ сравненіи съ научной. Въ послѣднемъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣетъ элементъ принудительнаго вывода, напр.: $(a+b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$; въ увѣренности же, приводящей къ Богопознанію, важенъ элементъ внутренней *свободы* рѣшенія. Если бы послѣдняя чѣмъ-либо была ограничена, то потерялась бы вся соль цѣнности религіи, какъ уже навязанной извиѣ и принудительно. И такимъ образомъ, т. - е. принудительно, навязанная человѣку вѣра неспособна его побудить ни къ чему. Такъ опровергаетъ Астафьевъ всякія попытки *научно* доказать истины религіи. Корень же всѣхъ этихъ попытокъ, — постоянно повторяетъ онъ, — въ желаніи, ради цѣлей соціальнаго благополучія, *привить* всѣмъ вѣру. Предлагаю читателямъ вспомнить уже приведенное раньше мною мяѣніе одной революціонной барышни, мечтавшей о томъ, какъ бы хорошо — «вспрыснуть» всѣмъ изрядныя дозы этики. Надо сказать, что такого рода этика очень близка къ такъ называемой «религіи» Толстого и прочихъ. Характернымъ вообще для нашего времени является очень часто повторяющееся смѣшеніе религіи съ одной практической ея стороной, — съ этикой, тогда какъ религія обнимаетъ три элемента: догматъ, мистику и этику. Конечно, изъ всего этого совершенно не слѣдуетъ вывода объ исключительно-личномъ обращеніи къ Богу. Церковь Астафьевъ, какъ мы уже говорили, ставитъ превыше всего, но именно поэто-

му онъ протестуетъ противъ попытокъ использовать Ее въ земныхъ цѣляхъ, и старается подчеркнуть прежде всего Ея духовную сторону. Отметимъ, что подобный данному Астафьевымъ блестящій анализъ мнѣній по этому поводу Вл. Соловьева данъ Л. А. Тихомировымъ въ V-омъ выпускѣ Религ. - Филос. Библиотеки: *Личность, общество и Церковь*.

Согласно мнѣнію Л. А. Тихомирова, Церковь удовлетворяетъ высшимъ «духовнымъ» запросамъ личности, тогда какъ общество всегда угнетаетъ такъ или иначе личность; нечего уже при этомъ и говорить о государствѣ. Конечно, Астафьевъ всецѣло подписался бы подъ такой формулировкой Церкви, Ея значенія и задачъ, хотя въ извѣстныхъ намъ его трудахъ мы таковой и не нашли. Это обстоятельство надо объяснять исключительнымъ интересомъ его къ личнымъ переживаніямъ, а не къ общественнымъ. Конечно, это является и слабой стороной нашего мыслителя, т. к. онъ мало вниманія посвящаетъ вопросамъ жизни крупныхъ группировокъ людей; въ рѣшеніи этихъ вопросовъ его мысль, какъ мы уже говорили при разсужденіи о его критической монадологіи, является болѣе слабой и скорѣе оспоримой. Можетъ быть, здѣсь оказываетъ извѣстное вліяніе и уже констатированный нами въ самомъ началѣ нѣкоторый анархизмъ русскаго духа. Примѣры проявленій этого мы сейчасъ увидимъ, при переходѣ къ разбору мнѣній о государственности; тутъ же увидимъ и объясненіе и оправданіе имъ этого анархизма, оправданіе, исходящее, разумѣется изъ его общихъ идей.

Итакъ,—констатируетъ Астафьевъ,—все такъ наз. религиозное «обновленіе» нашихъ дней есть ни что иное, какъ переряженный позитивизмъ! Это—еще худшая форма позитивизма, т. е. тутъ позитивизмъ посягнулъ на «святыя святыхъ» челоѣчества.

Всѣ эти попытки заключаютъ въ себѣ *признакъ духовной смерти челоѣчества*. Въдѣ эти люди хотятъ все ввести въ нормы, конечно, уже непоколебимыя при предлагаемой ими связи религіи съ практической жизнью. Всѣ желающіе этически-соціалистическаго общества—государства тѣмъ самымъ добиваются пошлаго «китаизма», застоя и смерти...

Переходя къ вопросамъ жизни націй и государства, вновь только подтвердимъ, что Астафьевъ всюду и всегда остается на своей основной точкѣ зрѣнія о преобладающемъ значеніи во всемъ личности. Послѣдняя создаетъ союзы всякаго рода, строить ихъ изъ себя. Однако, каждая личность, участвуя въ строеніи общества своими «нервными центрами», дѣйствуетъ въ то же время и разумомъ. Если разумъ есть отвлеченіе бытія, то онъ въ свою очередь можетъ, *при усиліи личности*, и реализоваться въ этомъ бытіи. Короче сказать: сама теорія можетъ породить практику. Отсюда—важное значеніе самосознанія личностью своего общественнаго положенія (въ націи, государствѣ и т. д.) Вспомнимъ при этомъ, что Астафьевъ, какъ мыслитель русскій, всегда отдаетъ преимущество фактическому, естествен-

ному, а не отвлеченно-мыслимому. Ясно стало быть, что основная *строющая* личность должна *сознать* свое общественное положение и притомъ фактическое, естественное. Этому заданію Астафьевъ и отвѣчаетъ въ своей брошюрѣ «*Национальность и общечеловѣческія задачи*». Культурный народъ долженъ сознать себя, *свой строй* общечеловѣческихъ элементовъ. Извѣстно, напримеръ, что греки всюду проводили законъ *гармоніи*, въ сочетаніи этихъ общечеловѣческихъ элементовъ. Это и было национально-эллинскимъ строемъ жизни и мысли. Западно-европейцы всюду преслѣдовали чистую *истину*, во всѣхъ исканіяхъ своей теоретической и практической жизни. Подъ этимъ флагомъ проходили всѣ новыя явленія, смѣняли другъ друга разныя полюсы западной жизни. Гений культурнаго народа остается живеннымъ, пока народъ положительно въ себѣ, *какъ фактъ*, заключаетъ этотъ свой строй. Въ этомъ сущность и оправданіе націонализма. Если же народу уже приходится реставрировать свой строй, свой тонъ или «ритмъ» жизни,—то уже это свидѣтельствуешь о паденіи его. Въ александрийскую эпоху эллины сознали заднимъ числомъ свою національность, точно формулировали законы художественной метрики, согласно коимъ однако уже не могли создать сильныхъ, ясныхъ и простыхъ, какъ въ старину, безыскусственныхъ великихъ произведеній. Начало космополитизма разѣдаетъ начало національное. Такъ всегда и было и будетъ. Это—важная мысль Астафьева, всюду борющагося съ механическимъ, рационалистическимъ, мертвящимъ и трафаретнымъ, во имя созданія новаго, свѣжаго, во имя творчества противъ слѣпой механической эволюціи. Достаточно уже примѣровъ этому нами было дано. Это же повторяется и въ его отношеніи къ вопросу національному. Астафьевъ съ какою-то любовью констатируетъ національную «начала» у разныхъ отдѣльныхъ народовъ Европы: французъ въ своемъ національномъ строѣ мысли и жизни, въ своемъ «ритмѣ» ея, любить и цѣнить проведеніе одного руководящаго принципа прямолинейно и до конца, во всѣхъ отношеніяхъ; англичане во всемъ интересуются *axiomata media*, т. е. практическими средними выводами и положеніями, не заботясь о принципахъ и т. д. Астафьевъ вооружается противъ всякаго рода попытокъ погубить національное, во имя якобы чловѣческаго вообще, «естественнаго» всемъ и т. д. Всѣ эти лозунги, говоритъ онъ, ведутъ незамѣтно лишь къ оскорбленію національнаго гения, его творчества. Не надо забывать, что величайшіе умы Европы были каждый націоналенъ; примѣры, конечно, — излишни. Особенно мѣшаютъ въ вопросѣ національномъ, въ разсмотрѣніи и оцннкѣ его догмы «прогрессивнаго» и «отсталого», кѣмъ бы и для какой бы цѣли эти догмы ни выдвигались. Вѣдь надо не оцѣнивать явленіе національности съ какой-нибудь точки зрѣнія, а просто принимать это какъ нѣчто данное, *положительное*. А между тѣмъ вотъ К. Н. Леонтьевъ ополчился противъ національ-

наго принципа, считая его революціоннымъ, поднявшимся вмѣстѣ со всей революціей въ Европѣ; онъ полагалъ, что это лишь общее движеніе, направленное къ разрушенію вѣковѣчныхъ идеаловъ, стоявшихъ раньше передъ христіанскою Европой, какъ передъ чѣмъ-то цѣлымъ. Наоборотъ, Вл. Соловьевъ заподозрилъ націонализмъ въ реакціонности, отсталости. Онъ требовалъ отреченія отъ національности, какъ отъ чего-то животно-эгоистическаго, призывалъ всѣхъ патріотовъ и націоналистовъ «покаяться». Съ характернымъ для этого философа пафосомъ, онъ обращался именно къ представителямъ своего народа съ такимъ требованіемъ, считая, что другіе народы могутъ остаться при своемъ націонализмѣ. Въ русскомъ же самоотреченіи онъ хотѣлъ видѣть особую сверхчеловѣческую миссію Россіи — какъ избранницы. Такимъ образомъ все-таки, — націонализмъ, хотя и совершенно противоположныхъ порядковъ, онъ признавалъ. То же можно сказать и о Леонтьевѣ до извѣстной степени, т. к. онъ цѣнилъ все живое, красочное, разнообразное.

Оставимъ эти теоретическія разсужденія. Вспомнимъ, что Астафьевъ уже далъ намъ опредѣленіе націонализма, безотносительно ко всѣмъ теоріямъ, просто какъ *положительнаго факта*. И посмотримъ, какъ ему представляется, каковымъ ему является *фактъ* русскаго націонализма. Характерно, что онъ какъ разъ опредѣляетъ русскій національный строй жизни и мысли, какъ строй практическаго *здраваго смысла*. Астафьевъ самъ и въ данномъ случаѣ явилъ себя представителемъ русскаго здраваго смысла, только что отказавшись отъ теоретическихъ споровъ съ противниками и занявшись просто опредѣленіемъ самого факта, который и опредѣляетъ для насъ какъ практику здраваго смысла. Онъ опредѣляетъ въ составѣ этого строя здраваго смысла именно презрѣніе къ чисто теоретическимъ выкладкамъ разума и приглашаетъ насъ къ тому же во имя практики, во имя реального вообще. Вспомнимъ еще разъ, насколько самъ Астафьевъ презрительно обошелся въ своей философіи съ цѣлымъ рядомъ логическихъ выводовъ. Но вспомнимъ мы также и то, во имя чего онъ такъ поступалъ. Да во имя требованій нравственныхъ! во имя «цѣнностей» созидасмыхъ основною личностью. Во имя этого онъ оставилъ мало обоснованной всю систему своей «критической монадологіи»; во имя этого онъ разрѣшалъ себѣ можетъ быть слишкомъ смѣлый выпадъ противъ «научныхъ» законовъ: сохраненія массы матеріи, постоянства энергіи и т. д.; во имя этого онъ презрѣлъ и подробное разсмотрѣніе вопросовъ внѣшней жизни Церкви и т. д. Все сдѣлано во имя факта, но не грубаго, эмпирическаго, а факта личности «цѣнностей» въ мірѣ, цѣнность коихъ обосновать рационально невозможно да и бесплодно, а сохранять ихъ *нужно*. Энергію свою надо тратить прежде всего на это *дѣло*, а не на умозрѣнія. И въ этомъ онъ явился передъ нами какъ типичный представитель имъ же характеризуемаго національнаго строя, «русской» складки человѣкомъ.

«Здравый практическій смыслъ русскаго человѣка никогда не вырождается въ отрицаніе самаго духа, его высшихъ требованій и началъ во имя достиженія ближайшей практической задачи. Именно онъ ради своей *здоровости*, ради ненарушенія гармонической полноты своего духа и заставитъ русскаго человѣка... выбирать свои средства такъ сказать по деликатнѣе, по совѣстливѣе... Нравственная опрятность, терпимость, благодушіе... мягкость и подвижность нашего народнаго характера, многогранность русскаго ума, восприимчивость русскаго чувства... всегда привлекательно дѣйствовали на чужихъ людей». (*Национальность и общечеловѣческія задачи*. Москва. 1890).

(Послѣдующія выдержки для освѣщенія даннаго вопроса берутся нами изъ этой же брошюры).

Такъ опредѣляетъ Астафьевъ, русскій «строй» или «складъ» жизни и мысли, въ томъ числѣ и самого себя. Но... затѣмъ сейчасъ же приходится Астафьеву характеризовать и отрицательныя стороны русскаго народнаго духа, тѣсно связанныя съ уже обрисованными положительными его сторонами: «Во имя сохраненія этой столь привлекательной... цѣлостности, полноты и равновсія своего духа, именно потому, что выше и цѣннѣе всего для него *его душа* и спасеніе, и относился русскій народъ всегда болѣе или менѣе равнодушно, а часто даже и враждебно ко всѣмъ внѣшне организаторскимъ задачамъ вообще». Такъ характеризуетъ Астафьевъ уже постоянно и нами отмѣчавшійся анархическій отгѣнокъ русской жизни и мысли. Такъ относится русскій народъ въ своей дѣятельности, напримѣръ, и къ Церкви: «не созиданіе Церкви, какъ осуществленіе какой-то еще предстоящей задачи, но *исполненіе* Церкви, исполненіе задачи *уже навсегда окончательно рѣшенной* Искупителемъ Богомъ (*для насъ, а не нами*)—таковъ смиренный идеаль Православія и православнаго русскаго духа»—говоритъ Астафьевъ.

Только что сейчасъ мы видѣли, что и самъ Астафьевъ избѣгаетъ давать точное понятіе о внѣшней структурѣ Церкви. Теперь же мы видимъ и оправданіе имъ такового же взгляда въ отношеніи русскаго народа и вообще къ дѣйствительности.

По его мнѣнію, для русскаго народа «дѣятельность», которой требуетъ его *дѣйствительно-практическій* смыслъ и которая дѣйствительно необходима для *спасенія души* его... представляется всегда какъ дѣятельность *личная* (хотя бы и не для личныхъ цѣлей), по существу своему нравственная, но не организованная въ юридическихъ или политическихъ формахъ, *не механизованная*, ибо всякая организація дѣятельности есть непременно и механизация ея, ограниченіе ея личнаго чисто духовнаго, творческаго источника... «Поэтому онъ, т.-е. русскій человѣкъ, и ведетъ, спустя рукава, даже дѣло устроенія своихъ внѣшнихъ благъ и средствъ,—не это для него важно!—безконечно болѣе думаетъ онъ о *нравственномъ* характерѣ своихъ поступковъ, объ ихъ *моральности*, чѣмъ объ ихъ юридической *правильности*, объ ихъ *легальности*. Какая-нибудь вполне легально обста-

вленная мерзость всегда гораздо глубже возмутить его душу, чѣмъ нарушеніе любой юридической формы, не изъ безправственнаго мотива идущее»... «Понятіе *долга*, безусловнаго предписанія совѣсти, исполненіе котораго требуется независимо отъ какихъ-либо сопряженныхъ съ нимъ положительныхъ выгодъ и положительныхъ же обязательствъ, для него безконечно-священнаго юридическихъ понятій права и обязанности»... «И видя *грѣхъ* въ нарушеніи долга, онъ и сравнительно легко уступаетъ свое право и нерѣдко слишкомъ легкомысленно, безъ тяжелой внутренней борьбы уклоняется отъ своей обязанности. И въ личную нравственность вѣрять онъ всегда болѣе, чѣмъ во всевозможныя формальныя гарантіи, и пресловутый правовой порядокъ есть чуждый его духу порядокъ».

Вотъ съ какой привлекательной, чисто-нравственной стороны представляеть намъ Астафьевъ несомнѣнно-отрицательныя стороны нашего народнаго духа,— стороны анархическія. Не забудемъ, что Астафьевъ и жилъ и писалъ до революціи 1905 года, когда еще официально можно было говорить о главенствѣ русскихъ началъ въ Россійской Имперіи. Тогда еще можно было, удовлетворяясь главенствомъ Православія и Самодержавія въ нашей жизни, оправдывать равнодушіе русскихъ людей къ защитѣ ими правъ *русской* жизни, русскаго склада ея. Теперь же,—и это мы особенно подчеркиваемъ—именно изъ сознанія святости идеаловъ русскаго народа *нужна борьба!* Tempora mutantur: теперь намъ нужно выясненіе завѣтовъ нашихъ предковъ и неустанная «даже до смерти» борьба уже за юридическое возстановленіе верховенства Православія и Самодержавія. И если Астафьевъ прекрасно характеризовалъ мягкую уступчивость нравственнаго по своей природѣ русскаго народнаго сознанія,—то это лишь должно придавать намъ силы къ переводу нашей дѣятельности въ реальныя формы современной борьбы, борьбы за возстановленіе верховенства въ жизни Россіи, Православія и Самодержавія, борьбы хотя бы и въ чужой намъ области юридической.

Вѣдь самъ же Астафьевъ подчеркиваетъ, что «политическихъ правъ русскій народъ никогда не искалъ». Ergo—эти права навязаны ему, конечно—къ его невыгодѣ, такъ какъ равными правами современность облакаетъ въ Имперіи другія національности, умѣющія, какъ мы видимъ, постоять за эти права, умѣя бороться на юридической почвѣ, не въ примѣръ намъ, благодушнымъ россіянамъ. Къ сожалѣнію видимъ,—эта борьба не сродна нашему духу. И Астафьевъ дальше это прекрасно опредѣляетъ: «организация партій, неизбѣжно требующая сдѣлокъ, соглашеній—не дѣло русскаго человѣка», т. к. у него «отращеніе ко всякимъ компромиссамъ» и желаніе дѣйствовать «не поступааясь ни во имя какихъ бы то ни было благъ *принципомъ*». Мы русскіе неспособны къ организаціонной дѣятельности, къ созданію уставовъ, программъ, платформъ и т. д., такъ какъ «*душа* намъ дороже ихъ!»

Согласно съ описанными чертами русскаго народнаго духа, Астафьевъ объясняетъ и происхожденіе русской государственности и дѣятельность ея. Въ данномъ случаѣ онъ вполне сходится съ славянофилами. Какъ и послѣдніе, онъ отмѣчаетъ, что русскимъ людямъ нуженъ былъ толчекъ *отъня*, чтобы создать государство, т. к. «отличительное свойство славянскаго племени — склонность къ розни и междоусобіямъ». Совершился безпримѣрный въ мировой исторіи актъ — призваніе варяжскихъ князей. Однако, этотъ актъ Астафьевъ понимаетъ не какъ *отреченіе* народа отъ своихъ правъ: вѣдь русскій народъ никогда не искалъ самъ правъ, не заботился объ этомъ и «не свое право или свою власть передавалъ онъ этимъ актомъ варяжскимъ князьямъ... но служеніе необходимому общему дѣлу».

Такъ понималъ Астафьевъ происхожденіе, сущность и задачи Самодержавія русскихъ Государей. Актомъ 1613 года оно было вторично признано и утверждено соборнымъ приговоромъ «всая земли». При этомъ наши предки «отрекались лишь отъ *похоти* властвованія и командованія другъ надъ другомъ, отрекались отъ вражды и раздора, обязывая себя всеобщимъ послушаніемъ единой, общей для всѣхъ, призванной власти». Повторяемъ, Астафьевъ вполне солидаренъ съ Хомяковымъ, говоря, что затѣмъ, утвердивши Царя надъ землей всяческимъ содѣйствіемъ своихъ земскихъ соборовъ, нашъ народъ «пошелъ въ отставку».

Приятно отмѣтить, что данныя положенія нѣсколько исправляютъ высказанное раньше Астафьевымъ. Стало быть, — народъ нашъ не лишенъ политическаго чутья: въ принципѣ онъ признавалъ необходимость *служенія* общему дѣлу, но считалъ наилучшимъ для себя передать тяготу одной поставленной надо всѣми личности. Затѣмъ русскій народъ *содѣйствовалъ* своимъ Царямъ на соборахъ.

Необходимо при этомъ разсужденіи объ утвержденіи русской государственности вспомнить намъ и мнѣніе компетентнѣйшаго въ наукѣ русской исторіи лица, — Д. И. Иловайскаго, что послужить еще существеннѣйшимъ коррективомъ. Названный ученый своими изслѣдованіями устанавливаетъ, что призванія варяговъ и *не было*, а была уже, до напастья варяжскаго элемента, на Руси, въ Кіевѣ утверждена самобытная государственность, въ которую уже только влились варяги. Русскій народъ, — по неоднократнымъ утвержденіямъ Д. И. Иловайскаго въ его «Исторіи Россіи», отличается отъ всѣхъ другихъ славянскихъ народовъ своимъ политическимъ строемъ духа и жизни.

Такимъ образомъ, не будемъ смѣшивать только понятіе о правахъ въ политикѣ съ понятіемъ служенія государству. Вспомнимъ знаменитое опредѣленіе М. Н. Каткова, сказавшаго, что «у русскихъ гражданъ есть большее чѣмъ политическія права: это *политическія обязанности*». Тогда разрѣшится наше недоумѣніе относительно способности русскихъ къ политическому творчеству.

Астафьевское же мнѣніе по этому поводу дорого должно быть для насъ тою своею стороною, которая выдвигаетъ объясненіе *нравственныхъ* мотивовъ, отвлекающихъ русскій народъ отъ преслобутыхъ «правъ», отъ похоти властвованія. Народъ вполне доволенъ властію личности Помазанника Божія. Въ этомъ опредѣленіи Астафьева важно отмѣтить, кромѣ элемента помазанничества Высшею Силою царей, еще излюбленный имъ же элементъ *личнаго* дѣйствія (правленія). Последнее связано со всѣмъ его міросозерцаніемъ. Царь, такимъ образомъ, оказывается въ центрѣ русскаго общаго дѣла. Какъ, — кстати сказать, — въ данномъ опредѣленіи гармонично сливаются учене прежде изложеннаго нами философа Н. Ѳ. Ѳедорова (его «философія общаго дѣла») съ астафьевскимъ принципомъ «усилія личности».

Таковы взгляды Астафьева на вопросы жизни церковной и государственной. Теперь посмотримъ, какъ же онъ оцѣниваетъ, съ точки зрѣнія своихъ выставленныхъ нами выше взглядовъ, современность? Что находить въ ней? Какія мѣры рекомендуетъ намъ принять? Отчасти уже мы касались его отношенія къ современной рационалистической философіи; отчасти мы уже узнали его взгляды на выставляемые современностью принципы утилитарной морали. Во всемъ мы находимъ у Астафьева «протестъ» противъ господства рационализма, матеріализма и всего сопутствующаго этимъ теченіямъ. Теперь прислушаемся внимательнѣе, какъ онъ критикуетъ современный *духъ* вѣка. (П. Е. Астафьевъ. *Изъ итоговъ вѣка*. Москва. 1891 г.). Вотъ какъ характеризуетъ онъ блестящи, всѣми воспѣваемые «прогрессъ» 19 вѣка

Человѣчество начало 19 вѣкъ, — говоритъ онъ, — съ непоколебимой вѣрой въ себя, въ запасъ личныхъ силъ общества и... кончилось вѣрой не въ эти живыя личности, имѣющія расцвѣсти пышно на почвѣ свободы, а вѣрой въ «учрежденія». Нѣтъ великановъ духа въ нашемъ измельчавшемъ гнусномъ обществѣ: вмѣсто нихъ всюду идутъ и выдвигаются техники, инженеры и т. д. Вмѣсто ожидавшейся всюду свободной игры силъ личностей мы всюду видимъ «учрежденія, союзы, общества ассоціаціи», начинающія съ парламента и банка и кончая «арміями спасенія» и «обществами чистой любви» или «нравственнаго усовершенствованія».

Вотъ каково основное направленіе современности — согласно Астафьеву. Конечно, эта вѣра въ учрежденія указываетъ на упадокъ силъ личностей въ настоящее время. (Подчеркиваемъ опять: Астафьевъ цѣнитъ именно усилія личностей и постоянно возстаетъ противъ современныхъ стараній скрывать личность уставами, программами и т. д.) Далѣе, — говоритъ Астафьевъ, — характерно, что наша гнусная современность, отмѣчая постоянно, что силы личностей изсякаютъ, что «нѣтъ людей», — думаетъ и это поправить разными обществами, кружками съ прекрасно-составленными программами и уставами и т. д. «Замѣченъ ли упадокъ нравственныхъ идеаловъ? — Ничего нѣтъ проще, какъ пособить горю: стоитъ только написать уставъ «общества нрав-

ственнаго усовершенствованія» (въ Америкѣ ихъ—десятки), вы брать президента, секретаря и т. п. и дѣло готово!»... «Падаеть наука, изсѣкло творчество въ искусствѣ—создать какъ можно больше ученыхъ обществъ... и дѣлу конецъ».

Эта вѣра современности упрочила въ современной европейской политической жизни парламентарный строй, опирающійся на партіи съ программами, платформами, центральными комитетами, выборными бюро, комиссіями разнаго рода и т. п. учрежденіями. Характерно, однако, что несмотря на весь этотъ сложный и казалось бы разумно приспособленный аппаратъ, парламентаризмъ оказывается безсильнымъ провести серьезныя реформы, подѣлать хотя бы старому режиму личностей—режиму монархическому. Неизбѣжныя тренія межъ партіями и фракціями, зависимость отъ толпы не даютъ современнымъ реформаторамъ размаха для творчества. Компромиссъ идти обыкновенно за компромиссомъ, и всякая смѣлая цѣнная мысль, пройдя черезъ горнило партійной передраги, теряетъ уже всю свою соль и отбрасывается, какъ уже дѣйствительно ненужное. Такъ-то парламенты, которые при созывѣ вызываютъ такъ много надеждъ, обращаются постепенно въ говорильни, лишь затягивающія правительственную работу.

Современный пошлый строй всяческихъ учреждений совершенно гнететъ основную личность, не даетъ развиваться ея благороднымъ усиліямъ, вычеркиваетъ ее. И въ самомъ дѣлѣ, «что могутъ сдѣлать личная энергія и личное богатство при какомъ-нибудь миллиардномъ промышленномъ крахѣ или сила личнаго убѣжденія при измѣняющейся, по общимъ... причинамъ, комбинаціи партій въ парламентахъ. Очевидно, такъ же мало, какъ мало помогутъ сила, знаніе и воля запертому въ вагонѣ пассажиру при желѣзнодорожномъ крушеніи!»

И вотъ современность вызываетъ у личностей, богато одаренныхъ, скуку, нессимизмъ и даже отчаяніе, разрѣшающеея самоубійствами. А между тѣмъ какъ разъ особенно характернымъ для христіанскаго общества должно бы быть наибольшее уваженіе къ свободной личности. Вѣдь, собственно, только христіанство выдвинуло личность какъ цѣнность; классическій мръ древности всецѣло растворялъ личность въ государствѣ. И пока было живо европейское общество, какъ общество именно христіанское, оно и само всецѣло питалось продуктами личныхъ силъ рыцарей, подвижниковъ, ученыхъ, реформаторовъ, администраторовъ, художниковъ, писателей и т. д.

Пока было живо общество *христіанское*, оно и само давало просторъ этой свободной игрѣ личныхъ силъ. Теперь же, т. е. вообще въ новое время европейской исторіи, возникъ интересъ къ возсозданію классическаго, древняго, якобы идеальнаго строя жизни съ его подчиненіемъ личной свободы всеобщему равенству. Не надо забывать, что эти два принципа, «свобода» и «равенство», исключаютъ другъ друга.

Подражаніе идеаламъ классическаго міра теперь неумѣстно: вѣдь, что было естественнымъ для этого стараго міра, то для христіанскаго общества уже пережитое. Пришествіе Господа нашего Иисуса Христа въ міръ составило поворотный пунктъ. Тогда было провозглашено уваженіе къ личности, въ противовѣсъ поработенію ея въ древнемъ мірѣ. Тогда же началось и въ общественной жизни свободное дѣйствіе отдѣльныхъ самостоятельныхъ областей ея. Область религіи эмансипировалась отъ политики. Обособилась область права вообще отъ права только государственнаго (а по завѣту древнихъ—ставшій внѣ государства лишень былъ тѣмъ самымъ уже и всякой защиты правовой). Обособилась область жизни семейной, до тѣхъ поръ подчиненной всецѣло государственнымъ выгодамъ и расчетамъ. Изучавшіе древнюю исторію могутъ вспомнить, что въ древности браки заключались по соображеніямъ и требованіямъ государственнымъ; тогда былъ очень разработанъ кодексъ, устанавливавшій обязанность для такого-то лица въ такихъ-то случаяхъ вступать въ бракъ или разводиться съ другимъ опредѣленнымъ лицомъ. Было нѣсколько формъ браковъ, установленныхъ государствомъ, каждый для достиженія извѣстной цѣли и охраняющійся извѣстнымъ же образомъ.

Поэтому - то,—говоритъ Астафьевъ,—страннымъ кажется для христіанскаго общества возвращеніе къ этимъ мертвящимъ формамъ, во всякомъ случаѣ теперь - то не имѣющимъ значенія, послѣ провозглашенія христіанствомъ свободы личности.

Произошла же, однако, очень гибельная перестановка руководящихъ принциповъ жизни: то, что имѣло значеніе прежде, то воспринятое (для этого процесса есть особый терминъ «рецепція римскаго права») теперь, т. - е. позднѣе—повело къ разрухѣ. Если въ древности личность всецѣло была закрѣпощена государствомъ для обязательной ему «службы», то и теперь желаютъ возстановить (и возстанавливаютъ разными учрежденіями) классическое полновластное государство, но... при этомъ противопоставляютъ государственному суверенитету принципъ личныхъ правъ. Тутъ—первое противорѣчіе. Затѣмъ,—этотъ современный принципъ личныхъ правъ (т. - е. въ сущности укороченное пониманіе христіанской свободы вообще) облеклось въ юридическія нормы. Тутъ другое противорѣчіе. Этого дѣлать нельзя было, говоритъ Астафьевъ, т. - е., нельзя «укорачивать» внутренней христіанской свободы, облекать ее въ «правовыя» нормы, да еще противопоставлять ее задачамъ общественной жизни.

Теперь выдвигаютъ основное пониманіе политической жизни такого рода,— что личность, дѣйствуя своими «правами», признанными конституціями, якобы управляетъ тѣмъ сама собою, осуществляетъ свои державныя права. Но вся современная практическая политика яснымъ образомъ представляетъ намъ полную фиктивность этихъ надеждъ. Теперь личность еще болѣе поработена государственной, общественной и обще-культурной жизнью

страны, чѣмъ когда-либо. Провозглашена наша личная свобода, а фактически насъ поработщаетъ вся современная культура самыми невидимыми, нечувствительными способами. И вотъ мы въ плѣну: у партій, фракцій—въ политической области, у банковъ и трестовъ,—въ экономической жизни, у газетъ и журналовъ (самыхъ отрицательныхъ, часто атеистическихъ воззрѣній, вліянія коихъ мы однако *никакъ* не можемъ избѣжать),—въ интеллектуальной области. Водаряется худшее рабство, худшее потому, что человѣчество уже услышало гласъ евангельской свободы... и должно однако теперь идти и идетъ на служеніе какому-то Молоху современности. Все это произошло,—говоритъ Астафьевъ,—отъ невѣрной перестановки основныхъ принциповъ, имѣющихъ руководить нашей жизнью. Все это произошло отъ забвенія нами евангельскихъ принциповъ.

Ясна отсюда заключительная мысль Астафьева: въ мірѣ идетъ борьба съ христіанствомъ, съ поставленными Христомъ идеалами. Человѣчество хочетъ приспособить для себя оставленное наслѣдіе, для *своихъ* цѣлей, *использовать* въ гнусныхъ практическихъ видахъ святой идеализмъ оживленной Христомъ *личности*... впадаетъ лишь въ худшее рабство. Идеальные моменты вычеркиваются изъ всѣхъ областей жизни нашей *практической* современности. Отвергается принципъ религіи для религіи, науки для науки, искусства для искусства. Остающійся еще въ государственной жизни проблескъ этическихъ началъ сводится на служеніе обществу. Понятіе государства, съ его все-таки высокими цѣлями, усиленно подмѣняется понятіемъ общества, которое считаютъ имѣющимъ право на командованіе жизнью страны. А затѣмъ понятіе общества подмѣняютъ понятіемъ производительныхъ въ матеріальномъ отношеніи классовъ (сперва буржуазіи, а теперь пролетаріата).

Что же однако можетъ обѣщать намъ въ будущемъ это командованіе надо всѣми чисто желудочныхъ слоевъ народа?! Конечно, только большое паденіе христіанскаго идеализма свободной личности,—ergo затмѣніе всего христіанскаго ученія.

Во главѣ этихъ слоевъ общества идетъ невѣрующая интеллигенція съ рационализмомъ, матеріализмомъ и проч. (имъ же нѣсть числа) односторонними непродуманными до конца ученіями, направленными лишь на критику и критику. Подъ ударами послѣдней рушится—для толпы—христіанское государство, ...но побѣдителями остаются неизбѣжно не якобы угнетенные и поработченные при «старомъ режимѣ», а дѣйствительные вожди современности, — антихристіане.

Въ еврействѣ—совмѣщеніе и олицетвореніе всей раскритикованной Астафьевымъ современности съ ея политиканствомъ, экономизмомъ и проч.

Какъ общій результатъ выясненнаго уже современнаго строя, Астафьевъ представляетъ совершенное засиліе еврейства надъ христіанами. Еврейство поддерживаетъ своей сплоченной массой

материалистическія тенденціи современности. Къ его услугамъ капиталы всѣхъ современныхъ миллиардныхъ биржъ, а стало быть въ его распоряженіи и газеты, и журналы и т. д. Отдѣльной личности христіанина невозможно устоять, какъ всякому пассажиру, залптому въ вагонѣ при крушеніи поѣзда. Еврейство ведетъ въ прессѣ сокрушительную по своей силѣ и размаху материалистическую проповѣдь ниспроверженія всѣхъ святынь. Оно, еврейство, дѣйствуетъ очень умно въ этомъ отношеніи, т. к. христіанинъ, лишенный вѣры въ святаго основы своей жизни, тѣмъ самымъ уже теряется въ жизни и дѣлается легкой добычей современныхъ завоевателей — еврейскихъ банкировъ. Лишенный правильнаго самосознанія христіанинъ можетъ даже незамѣтно для себя, увлекшись непродуманными пѣльями, — понести свой природенный ему идеализмъ на службу инновѣрцамъ, на способствованіе имъ въ разрушеніи святынь. Современное оболъщеніе россійскихъ либераловъ служить, къ сожалѣнію, этому прекраснѣйшей иллюстраціей. Они легко поддались проповѣди свободы, не понимая сущности христіанской свободы въ Богѣ и ведутъ борьбу за «освобожденіе» человѣчества отъ всего человѣческаго. Разгулъ порнографіи, наступившій послѣ «свободъ» 1905 г., является хорошимъ показателемъ фактически, какихъ «свободъ» въ будущемъ могли бы еще болѣе добиться человѣчество и русскій народъ съ гг. либералами во главѣ. Это развращеніе народа, конечно, оиьг на-руку врагамъ христіанства. Евреи усиленно поддерживаютъ ослѣпленіе нашихъ радикаловъ и своей поддержкой социализма. Конечно, со стороны евреевъ это лишь ловкій ходъ для пробужденія низшихъ желудочныхъ инстинктовъ въ народѣ, съ цѣлью возбужденія его противъ элементовъ христіанскаго государства и общества, еще остающихся у насъ. Идетъ, словомъ, по всѣмъ фронтамъ и флангамъ нашей жизни порабощеніе насъ и физическое, и духовное.

Мнѣ кажется лично, какъ это казалось и Астафьеву, что эта тема неисчерпаема, и, по недостатку мѣста, приходится уже теперь переходить къ заключеніямъ.

Послушаемъ, какъ характеризуетъ Астафьевъ — психологъ евреевъ со стороны психической, чтобы вынести и себѣ нѣсколько руководящихъ указаній на-счетъ возможности для насъ самообороны. Астафьевъ исходитъ въ своемъ пониманіи психики человѣка изъ своего понятія о «ритмѣ» психической дѣятельности. И вотъ такимъ-то образомъ, съ этой исходной точки зрѣнія, онъ характеризуетъ евреевъ, какъ людей большой силы воли, слабой эмоціональности и полнаго отсутствія творчества. Еврей упоренъ, методиченъ, несокрушимъ въ своей послѣдовательности, такъ что конкуренція съ нимъ невозможна. Онъ мало требователенъ, но обладаетъ, при нѣкоторой слабости своей психики и тѣла, чрезвычайной живучестью. «Ритмъ» его жизни — пониженный, но въ высшей степени и активный въ то же время. Словомъ, это сла-

бый, но живучій человекъ. Слабость его, однако, не въ его волѣ, страшно сильной, но въ его эмоціяхъ. Разъ чувства его не обуреваютъ, онъ можетъ развить волевую сторону свою чрезвычайно. Слабъ еврей и въ творчествѣ, даже совсѣмъ безсиленъ, но онъ великъ въ практикѣ, страшно цѣпокъ въ отношеніи всѣхъ обстоятельствъ жизни. Здѣсь у него есть извѣстная изобрѣтательность, часто доходящая до виртуозности.

Таковъ еврей. Христіанинъ можетъ противопоставить ему лишь свою творческую способность, но въ соединеніи съ непрактичностью и непослѣдовательностью. Ясно, у кого перевѣсъ, особенно при нашей страшно сложной и чрезвычайно запутанной жизни.

Астафьевъ вообще не любившій ничего юридическаго, предполагаетъ поэтому отказаться отъ борьбы ограниченіями въ правахъ. Онъ переноситъ вопросъ о борьбѣ въ болѣе широкую область, въ область борьбы противъ всего современнаго практическаго общества и его руководительницы—буржуазіи. Послѣдней нельзя, — говоритъ онъ, — давать особыхъ правъ въ государствѣ. Нельзя допускать растлѣвающего парламентаризма, партійной борьбы, нельзя допускать соотвѣствующихъ теченій въ прессу, въ науку, въ школу. Надо держать весь этотъ матеріалистическій элементъ жизни и мысли въ постоянномъ наблюденіи и сдержкѣ. Тогда тѣмъ самымъ будетъ подорвано готовящееся господство иновѣрцевъ надъ христіанскимъ народомъ. Однако, все это говорилось до революціи 1905 года, уже давшей ходъ всѣмъ этимъ инстинктамъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время совершенно послѣдовательнымъ было бы, и съ точки зрѣнія самого Астафьева, сдѣлать выводъ о необходимости возстановленія нашихъ поруганныхъ святынь, о возобновленіи верховенства Православія и Самодержавія, чтобы можно было послѣдовательными мѣрами вести и духовную и физическую борьбу съ такъ называемымъ *прогрессомъ* современности!

Призывая читателей *усиленно подумать* о всѣхъ этихъ вопросахъ, не оставаться обольщенными болтовней лѣвой прессы, призывая ихъ пробудить въ себѣ дѣйствительно *свободную* критическую мысль по отношенію ко всѣмъ вѣяніямъ современности, мы еще разъ обратимъ ихъ вниманіе на нашего философа П. Е. Астафьева, дающаго уже намъ примѣръ самогостоятельной свободной русской мысли.

Подведемъ же итоги. Мы видѣли мыслителя, возставшаго противъ раціонализма и матеріализма. Характерно затѣмъ то, что основой своей философіи онъ ставитъ *усиліе*, т.-е. практической шагъ. Основная личность для него есть живой человекъ, не расчлененный на духовную и матеріальную стороны. И основой всей системы — здравый смыслъ человека, озареннаго свѣтомъ истины Христовой. Мы видѣли и недостатки мысли Астафьева: отвращеніе отъ всего нормативнаго, нѣкоторый какъ бы анархизмъ. Видѣли мы поэтому и недостаточную основательность его нѣ-

которыхъ взглядовъ. И во всемъ этомъ должны мы видѣть и свои природные русскіе недостатки, которые намъ надо сознать, чтобы исправиться насколько можно.

Особенно, полагаемъ, слѣдуетъ подчеркнуть неосновательность отверженія имъ всего юридическаго въ жизни. Конечно, повторяемъ, — доживи онъ до нашихъ временъ, — и онъ бы измѣнилъ свое отношеніе къ современности, не возлагалъ бы всѣхъ своихъ надеждъ на непоколебимость устоевъ жизни русской, а принялся бы за дѣятельное возобновленіе священныхъ правъ Православія и Самодержавія.

С. Матвѣевъ.